

Павел Шаров

МОЗАИКА

ЖИЗНИ

ЗАУРЯДНОГО

ЧЕЛОВЕКА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

РАЗБЕГ

Павел Шаров

**Мозаика жизни заурядного
человека. Часть первая. Разбег**

«Издательские решения»

Шаров П.

Мозаика жизни заурядного человека. Часть первая. Разбег /
П. Шаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967226-1

В книге перед читателем предстает картина жизни автора — простого советского человека — с 1940-х до 1970-х годов XX века. Здесь истории любви, спортивные состязания, участие в художественной самодеятельности, командировки молодого инженера, отдых на природе. С добрым юмором, лирично, ярко, живо автор показывает ушедшую эпоху через призму одной судьбы.

ISBN 978-5-44-967226-1

© Шаров П.
© Издательские решения

Содержание

Исповедь сына века	6
От автора	8
Пролог	9
Юность беззаботная	10
Эх, ай-ай!	10
Во, нырнул!	12
Крепкий лоб – залог пробивной способности	13
Бокс со Стасом	15
Проверка на лояльность	16
Глаз выбит, коси от армии	18
Первые вздохания	20
Студенческие годы	25
Пятерка	25
Михаил Адольфович Миллер	26
Зачет	27
Опасная реакция	28
А где Петька?	29
Пашка лав ю Машка	30
Пионерский лагерь	32
Сватовство	36
Зам. ком. по мор. де.	37
Мужик в тельняшке	40
Бочка ассенизатора	42
Шутники	43
Вот это одуванчик!	44
Гранат	46
Врешь! Не умрешь!	47
Разойдись!	49
Не трогать, это мое	50
Летние каникулы и серьезные испытания	52
За честь женщины	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Мозаика жизни заурядного человека

Часть первая. Разбег

Павел Шаров

Дизайнер обложки Владимир Мицкевич

© Павел Шаров, 2019

© Владимир Мицкевич, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-7226-1 (т. 1)

ISBN 978-5-4496-7227-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Исповедь сына века *(Павел Шаров. Мозаика жизни заурядного человека, 2019)*

Перед нами очень необычный текст.

Это конгломерат, такой живой гигантский ком, слепленный из печальных и радостных воспоминаний, добродушных или остро-соленых шуток, маленьких, меньше бусины, веселых историй, серьезных раздумий, лирических зарисовок, профессиональных погружений, штрихов времени, попыток заглянуть в вечность... – такая горячая, труднообъяснимая и трудно удерживающаяся в композиционных берегах, в общепринятом литературном русле воспоминательная лава, которую сам автор с юмором поименовал «Мозаика жизни заурядного человека», имея в виду отнюдь не заурядность: слово «заурядный» здесь четко играет на свой антоним. Потому что по прочтении книги мы видим личность совершенно незаурядную.

Но это, понятно, не принижение и не искусственное самоуничижение. Это как раз попытка советского человека – а наш герой воистину советский человек – встать в строй, слиться с массой. Ибо только в движении масс сила. И в массе гением не надо быть. Масса сильна именно ПРОСТЫМИ ЛЮДЬМИ.

Свою простоту и подчеркивает герой названием.

И это все ведь не выдумка, не фикшн. Все рассказанное и представленное в книге – правда. Пережитое. И хорошо, что грубоватая, соленая простонародная анекдотичность (и это, как помним, признак мужского общения советской поры!) перемежается искрометными шутками яркого, театрального плана. Хорошо, что пойманные на ходу, на лету общественные штрихи к портрету эпохи накладываются на события жизни самого героя – и события эти, прямо скажем, опять контрастные – и обыкновенные, банально-заурядные (как у всех!), и необычные, из ряда вон выходящие (ибо наш герой – озорник и неугомонный бегун, неуемный и креативный авантюрист, а именно такие герои и создают любую эпоху).

В «Мозаике жизни заурядного человека» много всего намешано, на то она и мозаика (здесь слово «мозаика» – обозначение композиционного приема). Перед нами не мемуары – для этого текст слишком изобилует фантазией, да и временные рамки изображаемых событий подчас сильно сдвинуты. Не роман – для этого книга слишком пестра и фрагментарна. Не хаотичное собрание баек или историй – для этого она слишком цельна, ибо ее крепко цементирует всего ОДИН герой, и герой этот – сам автор.

Приходится принимать эту книгу такой, какая она есть: живой и неправильной, пограничной (с нарративом, что называется, «на грани фола») и лиричной, – ведь перед нами ностальгически проплывают такие картины, к которым нам уже не вернуться: советские ледовые катки и советский спорт, советская инженерия и советские заводы, советские профкомы с их культурными программами и советские театральные студии, где молодежь с упоением играла в классических спектаклях, а порой и сама писала и ставила пьесы – о своей молодой жизни. О стремлении и движении вперед.

Вон он, секрет этой книги! Он – в движении вперед. В сочетании веселых подробностей и серьезной оценки быстротекущего времени. Секрет этот – в неистребимом жизнелюбии самого автора, уникального человека Нижнего Новгорода Павла Шарова, что за всю свою жизнь успел побыть и актером, и конькобежцем, и физиком, и доцентом политеха, и директором СКБ РИАП, и другом незауряднейших людей своего времени: ученых и конструкторов, артистов и музыкантов, писателей и спортсменов. Павел Шаров сам стал писателем, еще раз подтвердив свою незаурядность. Но эту свою книгу, книгу жизни, он написал не только как мог, но и как хотел: неправильно, не по канонам, негармонично, не выстроено – зато эффект погружения куда как силен. Мы все, что живет и дышит в его книге, видим и слышим, через

все проходим вместе с ним. Он ведет нас по канувшему в Лету времени, не теряя врожденной веселости. И вот за это – за эту широкую улыбку, даже когда на душе темно, за солнце в глазах и в сердце – писателю Павлу Шарову большое спасибо.

Член Союза писателей России Елена КРЮКОВА

От автора

Время, время. Годы вереницей проходят, проходят безвозвратно. В свободные минуты память все чаще и чаще возвращает меня в прошлое, «в события давно минувших дней», когда можно было легко догнать дребезжащий трамвай, запрыгнуть на его подножку и помахать рукой ей – одной из тех, которых знал и чей облик потом потускнел, затерялся в лабиринтах уже забытых перипетий жизни. Когда все было в первый раз: и первая прогулка под ручку с божественным существом, и первый шляпочный поход в составе спортивной школы, и первый «эх, ай, ай!», полученный между глаз в схватке за «правду».

Фрагменты воспоминаний возникают в памяти, как яркие вспышки, один за другим. Их много, они лезут в голову, нагромождаясь, друг за другом.

А вот это, помнишь?

А вот про это? А вот еще...

Они воспроизводят прошлое вне хронологической последовательности, как перемешанные фотографии, отпечатки разных моментов прошлого. Попытка упорядочить, уложить их в хронологический порядок, чтобы запечатлеть на бумаге в виде мемуаров, приводит к стиранию яркости этих вспышек, картины становятся серыми, тусклыми и малоинтересными, как доклад председателя профкома на профсоюзном собрании.

Вот почему я решил просто дать краткие описания этих фрагментарных фотографий прошлого по мере их возникновения в памяти, а уж потом расположить их в хронологическом порядке, не связывая их между собой какими-либо философскими рассуждениями. Пусть это будет ряд мелких рассказов о разном: о смешном и страшном, о душещипательном и грустном, как поблескивающие с разных ракурсов разноцветные осколки прошлого.

И пусть они уложатся вначале в одну небольшую брошюру, потом в другую, третью, и пусть этих брошюр будет столько, сколько было интересного в жизни и сколько сумела сохранить память. А потом эти брошюры сложатся в книгу, отображающую жизнь заурядного человека в насыщенных событиями двадцатом веке и начале двадцать первого.

Чтобы описать жизнь во всей ее полноте и разнообразии, нужно написать бумажный папирус длиною в жизнь. Это невозможно. Но если из отдельных, по-разному отражающих события осколков создать мозаику жизни, то можно понять, как жил человек, какими интересами и желаниями.

Мне хочется, чтобы мои внуки поняли меня, прочитав эту книгу. Я хочу быть рядом с ними в их восприятии этих моих воспоминаний.

Пролог

(Забег длиною в жизнь)

Мальчик! Мальчик родился!

Ой, какой веселый, какой энергичный! Вот он уже в ладушки играет, а вот – в мячик, а вот – в футбол, а вот уже – в баскетбол.

И вот он уже не мальчик, он уже юноша, он мужчина. Бежит, бежит завоевывать мир. Бежит по бесконечным дорогам познания, преодоления. Вот храм науки – Университет. Зашел, познал одну из граней многогранного мира и побежал дальше.

Справа Церковь – пробежал, слева Мечеть – пробежал, пробежал Храм баптистов, Синагогу. Люди в храмах не торопятся, они молятся.

«Что это? Для чего это?»

Некогда, побежал. Стоп! Женщина! И вот, бегут уже вдвоем, потом втроем, вчетвером. Надо детей поднимать, а для этого надо бежать. А вот, уже внуки. Их тоже надо поднимать. Ведь дети еще по-настоящему бегать не научились. Внуки – тем более. Значит, надо бежать.

Вот и восемь десятков, девятый пошел, подруги уже нет, дети и внуки рассыпались по миру. А он? Он спотыкается, но все еще пытается бежать.

«Нет! Больше не могу! Все! Набегался. Надо остановиться, надо пройти спокойно. А кругом, какая красотища! Это вот что? Дуб или клен? Не знаю. Вот осину от березы отличу, а рябину от калины – с трудом. Ой, какой цветочек! Как его зовут? Розу, гвоздику знаю, сам когда-то дарил. А из полевых цветов ромашку знаю. Даже когда-то гадал по ней: любит, не любит, любит, не любит... любит! А эти не знаю. А как они пахнут? Вот этот, красивый, а не пахнет – открытие. А вот травка зеленая. Мягкая какая! Уже закат, солнышко садится. Как красиво! Подожду до рассвета, он, наверное, такой же красивый. Да, вот он Рай, для которого и создан человек. Или наоборот? И я в нем жил, не замечая красоты, потому что всю жизнь бежал мимо. Ну, что ж, пусть хоть финиш будет прекрасным»...

«А это что сзади шевелится? Ой, больно! Красный, с клешнями, глаза выпучил. Неужто рак? Да отвяжись ты! Надо снова бежать! Не отстаёт, гад. Так и норовит сожрать. Уже вцепился! Нет, нет, надо оторваться. Оторвался. Бежать, надо убежать от этого кошмара!»

Все! Устал! Силы на исходе. Ну, еще, еще шаг. Впереди обрыв. Сзади наползает это прожорливое чудовище.

«Что делать? Прыгнуть вниз, в пропасть? Выстрел в висок и все будет кончено. Но там, внизу темно, а хочется туда, вверх, к свету. Но туда – только через муки».

А этот уже рядом. Красное чудовище с клешнями делает последний рывок, означающий финал трагедии. «ГОСПОДИ, ПОМОГИ!!!»

Откуда-то взялись силы. Схватив чудовище за протянутую клешню, рванул его в сторону пропасти, и оно исчезло там, в темной глубине.

«Что это было? Значит, это еще не конец? Значит, свыше дано блаженство полюбоваться этим миром, мимо которого пробежал?»

«БЛАГОДАРЮ ТЕБЯ, СОЗДАТЕЛЬ!»

И он с благодарностью устремил взор туда, в голубое небо, где в утренних лучах согревающего солнца веселились, преображаясь, белые, белые, кудрявые облака.

Юность беззаботная

Эх, ай-ай!

Знакомо ли вам чувство потерянного времени? У каждого есть это самое потерянное время. Только одни замечают это, а другие из-за отсутствия времени не обращают на это внимания.

Вы отдыхаете где-нибудь в санатории. Целый месяц кайфа! Первые дни много впечатлений. Две недели крутит водоворот событий санаторной жизни. Затем начинают повторяться ситуации. И вот когда они – эти ситуации – начинают повторяться, и наступает явление потерянного времени. Оно начинает «пролетать». Вторая половина месяца пролетает незаметно. Не за что зацепиться памяти. Почему? Да потому, что время в нашем восприятии измеряется событиями, впечатлениями, а не часами, сутками. Когда эти события становятся похожими друг на друга, время пропадает – стрелки крутятся вхолостую.

А вот испытывали ли вы состояние, когда мгновения становятся длинными? Стрелки останавливаются, а ваши ощущения нагромождаются друг на друга. Для окружающего мира и окружающих прошли незаметные две-три секунды, а вы прожили за эти две-три секунды проштампованную в памяти часть жизни и можете рассказывать об этом сколь угодно долго.

Я летел в воду со спортивной вышки вниз башкой. С такой высоты в первый раз. Первую половину тех семи или восьми метров (я уже не помню) я пролетел в страшном напряжении, дыхание остановилось. Я видел, как приближается вода, и мне казалось, что все происходит как в каком-то замедленном кино. Вдруг я увидел в том месте, куда я должен войти вытянутыми вперед руками и втянутой головой другую голову, медленно появляющуюся из-под воды. Прямо череп в череп. Сейчас моя голова приблизится к воде, а его как раз в это время окажется на ее поверхности. Бух! – и два ореха расколются.

Шел 1942 год. Мы бегали по сооружениям спортивной станции «Динамо» и норовили залезть на вышку. Здоровый дядя с какой-то повязкой на руке не пускал нас туда, так как водная станция готовилась к проведению тренировок спортсменов, а может быть, к соревнованиям. Мы – человек пять десятилетних пацанов, улучили момент, когда дядя отвлекся, чтобы перекрыть доступ на станцию, и полезли на вышку. Первая высота нас не интересовала. С такой высоты мы неоднократно прыгали, залезая на борт причаливших пароходов. Мы полезли на вторую ступень – пять метров. Тоже терпимо. В это время над уровнем пола оказалась усатая физиономия дяди, влезавшего к нам по лесенке. Пацаны попрыгали в воду, а мы с Ленидкой полезли выше. Это была высота! По телу прошла дрожь. Появилась голова дяди. Ленидка зажмурился и прыгнул солдатиком. Я не решался. До сих пор я никогда не прыгал в воду солдатиком. Только вниз головой. Дядя тем временем весь вылез на площадку и готов был меня схватить. И тут я прыгнул.

Итак, я увидел выплывающую Ленидкину голову. Это и было то время, доли секунды, которые растянулись у меня в мучительном размышлении. Сначала появилась мысль «Эх, ай! ай!», потом более осознанные размышления о последствиях этого «Эх, ай! ай!» И, наконец, лихорадочный поиск решения. Мозги работали как автомат. И решение было найдено. В последний момент я дернул головой в сторону, подставив под удар вместо головы плечо. Моя шея при этом вскользь встретилась с плечом Ленидки. Когда мы выплыли, я не мог повернуть голову влево, а он, соответственно, вправо. Обошлось растяжением жил и продолжительным

гулом в головах. Целый месяц мы ходили, не имея возможности крутить головами, пока, наконец, пацанячья молодость не выправила нам шеи.

Во, нырнул!

Я всегда любил нырять в воду. Однажды в лесу мы, пацаны, обнаружили небольшое озеро, а на высоте метра в полтора – деревянный помост. Когда-то этот помост был изготовлен для того, чтобы с него стирать белье в озере, но озеро со временем усохло, и помост вырос в высоту до полутора метров. Мы, естественно, начали с него прыгать в воду. Я забрался на помост и нырнул в воду вниз головой. Нырнул глубоко. Стал выныривать, а меня со всех сторон как схватит кто-то колючий, и не пускает. Стал защищаться. Схватил это что-то за лапу, а это лапа от старой срубленной ели. «Во чудеса! Надо ретироваться». Я снова нырнул в глубину, развернулся в обратную сторону и на этот раз вынырнул на поверхность.

– Пацаны! Осторожно! Тут елки свалены, – крикнул я остальным.

С тех пор я всегда думаю, прежде чем прыгать, особенно, если вниз головой.

Крепкий лоб – залог пробивной способности

«Если что уж я решил, так выпью обязательно», – сказал великий бард нашего времени Владимир Высоцкий. Вот этот девиз «решил – сделай», я и взял на вооружение в начале своего жизненного пути. «*Решил, выпил и... на карачках*». (Шутка.) Правда, для исполнения решений требуется иногда делать несколько заходов. Решил я, например, что настоящий мужчина должен обязательно переплыть широкую реку, Оку или Волгу, прыгнуть с парашютом и, наконец, выяснить на практике, что же это такое – быть мужчиной. С парашютом, хотя и не с самолета, а с вышки, прыгнул, не дожидаясь пинка инструктора. Реку Оку почти в самом ее широком месте, в районе стадиона Тобольских казарм¹, еще в юном возрасте я переплыл в один день туда, потом обратно и, так уж сложилось, в тот же день проделал все это еще раз. Что касается становления настоящим мужчиной, то есть жениться – тут я несколько повременил, но все-таки сделал – в тридцать пять лет.

Так и повелось: решил однажды и... рано или поздно выполнил. «И что это за пробойная сила такая? – подумал я, – а не заложена ли она в лобной части моей плоской лицевой панели?» А для того, чтобы оно, это самое лобное место, было крепким, его надо было тренировать, то есть попадать в такие ситуации, когда лоб испытывался на крепость столкновениями с различными твердыми предметами.

Еще в детстве зимой мы, пацаны, цеплялись металлическими крючками за детали трамвая или автомашины и с гиканьем неслись на коньках, а иногда и на лыжах от пункта А до пункта Б. Однажды прицепили к трамваю длинную веревку, и трамвай поволок человек двадцать будущих чемпионов или инвалидов – кому как повезет. Я был в этой цепочке последним. Когда трамвай, сбавив ход, подходил к остановке, мне наскучило это еле-еле передвижение, и я выехал на момент из-за спин товарищей в сторону, чтобы посмотреть, далеко ли до остановки. Посмотреть я не успел. Я успел только выехать навстречу столбу и встретиться с ним, как вы сами понимаете, этим самым лобным местом. Когда я очнулся, вокруг меня толпилась вся группа из двадцати человек, каждый из которых тянулся дотро-нуться до здоровой шишки, выросшей на моем лбу и констатировать: «Фона... арь!!!»

Второй раз я испытал подобное воздействие между глаз, когда ехал на трамвае из школы мимо детской больницы. Ехал на трамвае – это значит на буфере. На этот раз металлическая балка, на которой лежало буферное сочленение, висела на цепях, и буфер вместе с этой балкой болтался из стороны в сторону. Я стоял на этом буфере, опершись на трамвай спиной, и с интересом наблюдал, как из-под меня выныривает и уходит вдаль трамвайная линия. Вдруг трамвай резко качнуло, буфер поехал по металлической балке в сторону, и я полетел, не успев сориентироваться, вниз. Вниз – это значит лбом об рельсу. Мне показалось, что рельса зазвенела, как один из музыкальных инструментов в оркестровой яме оперного театра. Лоб выдержал. Шапка стала мала и слезла на затылок.

А тренировки продолжались. Когда я учился уже в седьмом классе, я всюю танцевал с знакомыми и незнакомыми девушками. На танцы ходили к военному клубу им. М. В. Фрунзе напротив Тобольских казарм. Зимой танцы были в самом клубе, где в духовом оркестре играли воспитанники военной части: Витя Мартьянов и Лев Ховрин – ученики нашего седьмого класса. Летом танцы были на летней площадке за клубом под радиоусилителем. Так вот, однажды летом группа парней ехала на трамвае от макаронной фабрики до Тобольских казарм. На трамвае – это значит, как я уже говорил, на буфере. На этот раз нас было трое. Я стоял спиной к трамваю, а двое – лицом к нему, уцепившись за оконные рамы. Перед самой остановкой трамвай опять-таки качнуло, и буфер съехал в сторону. Вся компания полетела вниз. Только

¹ Городок военного училища

по-разному. Двое из нас видели, куда летели, а я – нет. Извернувшись, я приобрел положение лицом вниз и очередной раз поцеловал лбом рельсу. Вместо звуков вальса я слышал шум, который через много лет, уже будучи радиофизиком, я назвал бы широкополосным. А тогда меня мало интересовал спектральный анализ возникшего шума. Меня интересовало другое – как теперь напялить на лоб фуражку, чтобы скрыть выросший на лбу рог. Фуражка не лезла.

– Холодное, холодное надо приложить, – беспокоились по поводу моего внешнего вида товарищи.

А где его взять, этого холодного? Наконец, решили. Двое взяли меня за ноги, а я руками пошлепал по луже, заходя туда, где поглубже. Найдя удобное место, я стал периодически опускать лоб в лужу. А потом отжиматься на вытянутые руки. Повторив это упражнение несколько раз и убедившись, что шишка на лбу не проходит, я все-таки пошел на танцы, решив, что «черт с ней, с внешностью, лишь бы человек был хороший».

Были, конечно, и менее опасные ситуации, но не менее смешные. Я помню, как я бегал за Валькой Локалиным по партам, чтобы догнать его и дать сдачи, желательно в размере, превышающем основную оплату. Валька увернулся и выскочил в коридор, захлопнув за собой дверь. Когда я подбежал к двери, она вдруг открылась, и мой лоб ощутил неожиданный удар Валькиного кулака. После последующих процедур примирения противоборствующих сторон, я стоял в туалете над раковиной умывальника и отмачивал очередную шишку на лобном месте. Посчитав процедуру законченной, я подошел к двери, чтобы выйти в коридор. А надо сказать, что дверь эта открывалась не наружу, как это обычно принято дверям, а наоборот – вовнутрь. Так вот, когда я подошел к двери, кто-то из заигравшихся балбесов, убегая от погони, со всего маху двинул ногой в дверь. Дверь взвизгнула петлями и, соответственно, двинула меня в лоб, да так, как не двинул бы чемпион мира по боксу. Я отлетел к сидячим местам и, когда ко мне вернулась ясность ума, понял, что самое тренированное место у меня – это лоб. И этим, пожалуй, можно гордиться.

Бокс со Стасом

В восьмом классе школы №18, куда я пришел в 1948 году, во всех классах были лидеры. Школа была мужская, девчонок не было. Лидеры в нашем классе отличались от тех лидеров, которых я встречал, когда учился в других школах, тем, что они, кроме физических преимуществ, были лидерами и по интеллекту. Стас Весновский, Виктор Мацнев, Геннадий Кириллов и примкнувший к ним Волька Эйдельнанд были физически развиты и учились на «пятерки» и «четверки». Станислав Весновский уже в четырнадцатилетнем возрасте был разрядником-пловцом, на голову выше всех, массивный и крупный пятерошник. Однажды, когда мы учились уже в девятом классе, Николай Сергеевич Караванов, наш учитель физкультуры, принес на занятия две пары боксерских перчаток.

– Ну, кто рискнет? – сказал он.

Одну из пар перчаток взял Стас Весновский. Он фактически не рисковал. Все прекрасно понимали, что Стас побьет любого. Ребята стали переминаться с ноги на ногу. Вторую пару перчаток взять никто не решался.

– Так чего вы испугались? – стал обращаться Николай Сергеевич к каждому.

И когда очередь дошла до меня, я совершенно неожиданно для себя сказал:

– Давайте мне.

И началась потеха «Пат и Паташон дерутся». Стас долго не мог попасть мне в лицо, так как для этого ему надо было присесть, а я не мог этого сделать, так как для этого мне надо было подпрыгнуть. Через пару минут мы оба приноровились. Стас бил меня в лоб, и я летел от него в дальний угол. Зато я, улучив момент, доставал его снизу по носу. Картина была уморительная. Я бегаю вокруг Стаса, периодически отлетая от него, и время от времени попадаю ему в нос, заставляя дергаться головой. Подскочил, раз по носу – и отлетел.

После физкультуры у нас был урок истории. Екатерина Ивановна, учитель истории, очень мягкий и культурный человек, войдя в класс, вдруг удивленно спросила:

– Ой, Весновский, что это у вас с носом? Он у вас красный и распух.

– Простите, это я на перчатку налетел.

– Да? А у вас, Шаров, почему нос красный? Вы тоже на перчатку налетели?

– Ага, только на другую.

Проверка на лояльность

В июле 1951 года я – будущий абитуриент Горьковского Госуниверситета, обогреваемый лучами жаркого июльского солнца, торопился в университет на обзорную консультацию по литературе. Соскочил с автобуса на площади имени Горького, добежал до кафе напротив Дома связи, затем – по улице Свердлова до аптеки, что на углу улицы Свердлова и улицы Воробьева, и затоптался на перекрестке, ожидая, пока проедут легковые машины. Напротив, по улице Воробьева – огромное многоэтажное здание, которое представлялось загадочным для многочисленных законопослушных граждан и вызывало дрожь в коленках у тех, кто когда-либо побывал в нем за нарушение всеми нами уважаемой социалистической законности. В этом доме располагались «Органы». И когда какая-нибудь бабушка наставляла своего непослушного внука, у нее иногда неожиданно вылетало: «Смотри у меня, а то на Воробьевку заберут». Слово «Воробьевка» у всех жителей ассоциировалось с этим загадочным домом и его «Органами». Я топтался, пережидая поток автомобилей и рассматривая огромный лепной портрет Дзержинского на стене углового здания рядом с основным, воробьевским. Сторона углового здания, обращенная на улицу Свердлова, являла собой вид обычного жилого помещения. Сторона же по улице Воробьева представляла собой стену без единого окошечка, и во всю эту стену красовался указанный выше лепной портрет Дзержинского. На фоне этого огромного портрета малюсенькая дырка, представляющая собой закрытый дверью вход в нутро этого здания, была совершенно незаметна. Эта дырка как-то уж слишком контрастировала с широкими дверями основного воробьевского здания, за которыми просматривалась вооруженная охрана в военной форме.

Когда поток машин кончился, я в несколько прыжков стал пересекать улицу Воробьева. Последний прыжок оказался незаконченным. Верхняя часть моего тела была вдруг стиснута двумя амбалами в штатском, а нижняя продолжала по инерции бежать по воздуху, выделявая ногами мельтешащие движения, как на велосипедной гонке. Я не успел пискнуть, как дырка под портретом Дзержинского поглотила меня, и я оказался там, откуда по своей воле никто, по-видимому, не выходил. Меня поставили на твердую поверхность цементного пола, дали легкого, ободряющего пинка, указав таким образом направление движения, и я потопал. Так же вежливо меня попросили повернуть налево и двигать вдоль по коридору мимо ряда закрытых кабинетов. Из одного из кабинетов озабоченно выскочил тридцатилетний мужик с низким лбом, ртом почти до ушей, выдвинутой вперед нижней челюстью и сдвинутым набекрень беретом. Я чуть было не поздоровался с ним, потому что, на какую бы танцплощадку я ни приходил, везде я налетал на этого шустрого плотного мужика с обезьяньей рожей под сдвинутым беретом. Это был единственный человек из сотен танцующих, которого нельзя было не запомнить. «Чекист должен видеть всех, а его – никто, – подумал я. – Что же тут этот светофор делает?»

Меня ввели в небольшой кабинет. За столом сидел крепкого сложения мужчина лет сорока. Рядом – молодой, судя по всему, помощник. Сбоку на жидком стуле, поскрипывая чем-то, пристроился невысокого роста усатый толстячок одной из южных национальностей. Толстячок показывал на высокого молодого парня, сидящего у стены напротив.

– Вот так и получилось, – объяснял толстячок, – не успел оглянуться, а он у меня туфли и спер.

Рядом с предполагаемым жуликом сидел такой же, как я, взлохмаченный пацан, и недоуменно таранил глаза на начальство за столом. Меня посадили рядом с «жуликом» с другой стороны от «взлохмаченного». Улучив момент, когда начальство вместе с толстячком уткнулись в протокол, предполагаемый жулик пихнул меня в бок и показал руками, чтобы я не расписывался. Наконец, формальности за столом были уточнены, и начальник уставился на меня.

– Кто такой?

- Абитуриент, товарищ майор. Тороплюсь в ГГУ² на консультацию.
- Почему ты думаешь, что я майор?
- Так показалось.

Конечно, мне ничего не показалось. Просто я понимал, что люди полковничьего ранга с задрипанными туфлями и с не менее задрипанными базарными торговцами заниматься не будут. Если же я, напротив, повысил его на один или два ранга, то за это он меня не накажет.

- Ишь ты, Шерлок Холмс. Фамилия, имя отчество, адрес.

Я назвался.

– Вот что, мальчики, – обратился начальник к нам с «вздохмаченным», – на этом протоколе надо расписаться, и вы свободны.

«Вздохмаченный» подскочил к столу, расписался и снова сел.

- А теперь ты, – обратился ко мне начальник, возведенный мною в ранг майора.

Я взял протокол и начал читать. В протоколе живописно описывалось, как такой-сякой жулик стибрил у толстячка заявителя армянские туфли. В конце мне предлагалось подтвердить этот эпизод и возложить на себя обязанность запомнить жулика и узнать его в случае необходимости.

– Товарищ майор, – уставился я на начальника, – вы же прекрасно знаете, что я ничего этого не видел.

- Видел, не видел! – раздраженно пробормотал начальник, – ты комсомолец?

– Да.

- Так чего рассуждаешь? Подписывай.

– Слушаюсь, товарищ майор.

Я взял протокол и быстро написал на нем: «Обязуюсь на всю жизнь запомнить в лицо человека, обвиняемого в воровстве туфель». И расписался.

«Майор» взял протокол и долго таращился на него. Сначала на его лице отобразилось желание понять, чего же я там написал. Потом, когда до него дошло, лицо изобразило высшую степень недовольства. И, наконец, поняв, что, если эту бумагу забраковать, то придется писать другую, он недовольно сверкнул на меня глазами, вынул платок, смачно высморкался, отдал бумагу помощнику и приказал вытряхнуть меня и «вздохмаченного» на свежий воздух. Дырка из-под Дзержинского выплюнула нас с «лохматым» на улицу, и мы тут же испарились. Не знаю, как он, а я с тех пор все время перехожу Воробьевку по другой стороне улицы Свердлова.

² Горьковский государственный университет

Глаз выбит, коси от армии

В 1951 году после окончания школы я поступил на радиофизический факультет Горьковского Госуниверситета. Собственно, первоначальные мои помыслы были совсем другими. Меня тянуло на фило-логический факультет, но в самый решительный момент меня вызвали в военкомат Ворошиловского района по месту жительства и в довольно-но ультимативной форме предложили поступать в какое-то военное училище. Как я потом понял, в стране создавались какие-то специальные войска, там и готовились специалисты.

Я попытался объяснить в военкомате, что три года тому назад я уже поступал в спецшколу ВВС³ с целью подготовки к поступлению в училище или академию военно-воздушных сил, хотел стать летчиком. Но в связи с тем, что мне клюшкой повредили правый глаз, перспективы стать летчиком рассеялись. Руководство школы пыталось тогда удержать меня, но я решил покинуть школу. Так что, простите, мол, теперь армия не для меня. А ходить в армейских технарях меня никак не устраивает.

Но армия на то и армия, чтобы не отступать. В военкомате стали уговаривать, потом соблазнять, нам, мол, такие спортивные парни и нужны, потом пугать – «а то хуже будет».

В общем, я понял ситуацию и решил учиться там, где есть военная кафедра, и где готовят офицеров запаса. Выбор был между радиофаком политехнического института и радиофизическим факультетом ГГУ. Пришел в политех – шум, гам, хохот, движение, в общем, моя стихия. Пришел в ГГУ – тишина, очкарики передвигаются, бумагами шелестят, тоска зеленая. Зеленая-то она зеленая, но – НАУКА. Заглянуть в нее хочется. И я решил подать заявление в университет на радиофизический факультет. О филологии не сожалел, эта филология – нечто менее значительное, нежели НАУКА.

А перед самыми вступительными экзаменами меня вызвали в военкомат, отобрали паспорт и направили в соседнюю комнату на собеседование то ли со вторым, то ли с третьим секретарем райкома комсомола. Нас, таких упрямых, собралось несколько человек.

Секретарь надул щеки и многозначительно, не терпящим возражения голосом сообщил нам – тупым баранам, что решением райкома комсомола мы... тут он уткнулся в бумажку, лежащую на столе, и начал по слогам произносить наши фамилии, путая имена и отчества (мой не перепутал, так как я Павел Павлович) ... Так вот, оказывается, мы решением этого самого райкома направляемся в различные военные училища для пополнения мощи вооруженных сил нашей страны.

Да, положение серьезное. С мощью вооруженных сил не поспоришь, если она – эта самая мощь – тут при чем. А может, и не при чем? И тут я задаю ему дурацкий вопрос:

– Скажите, а это решение принято райкомом какого района?

– Как какого? Ворошиловского.

– Простите, а откуда в Ворошиловском райкоме известно обо мне?

– Как? Вы где живете?

– На Макаронке.

– Ну. Это же наш район.

– Что, ну? А откуда вам известно, что я комсомолец?

Секретарь немного смутился.

– А вы что, разве не комсомолец?

– Почему же. Я комсомолец. Только на учете я в Ждановском районе, поскольку учился там в школе.

³ Военно-воздушные силы.

Секретарь начал жевать губу, чего-то бормотать, какая, мол, разница, от смущения из него потекло, начал сморкаться в платок. Я понял, что сейчас он начнет плевать, а там и до драки недалеко. Я попросился выйти, получил разрешение и ушел домой за помощью.

Экзамены пришлось начинать сдавать без паспорта. А через пару дней мы явились в военкомат с моим отцом, прошедшим войну с июня 1941 по июль 1945 года. Зашли к старшему по званию – полковнику, начальнику военкомата. Поговорили. Сначала полковник поговорил с отцом, а потом и я объяснил, что в силу дефекта глаза я в армии буду второразрядным человеком. А выбирать надо путь, по которому можно пройти во всю силу.

– Ну и кем же ты хочешь быть?

– Профессором, – неожиданно выпалил я, – а что касается защиты Отечества, то там есть военная кафедра, и я по окончании буду офицером.

– Ладно, ладно, – хохотнул полковник, – забирай свой паспорт, профессор.

И вот, я студент ГГУ. Немного отдохнем и за учебу. Душа свободная, дышится легко. На Свердловке познакомились с девчонками из мединститута. Я запрыгнул на забор с частоколом металлических украшений наверху в виде стержней и начал балансировать. Одним из важнейших элементов бега на коньках (а я уже занимался в секции конькобежного спорта) является то, чтобы середина грудной клетки была на линии колена ноги, на которой катишься. И вот я, воспользовавшись своими навыками конькобежца и начал балансировать на этом заборе, передвигаясь по нему. Дошел до столба, развернулся и крикнул:

– Девчонки! Держите!

И прыгнул. Что-то сильно дернуло меня за ногу. Я почувствовал треск и полетел вниз, как это делают пловцы на старте – вниз головой. Приземлился на кувырок. Правая нога чувствует непривычную прохладу. Посмотрел. Половина штанины висит на стержне забора. Разворачиваясь на заборе перед эффектным прыжком, я эту штанину надел на зловерный стержень. Прыжок получился на редкость эффектным. Парни помирают от хохота, девчонки аплодируют. Кто-то кричит:

– Еще, еще!

Действительно. Что мне стоит? Вторая-то штанина осталась. Правда, шорты в те времена еще не были в моде.

Первые вздохания

Мое особое, лирически обожаемое отношение к девочкам заложено было, по-видимому, в генах и проявилось еще в те далекие времена, когда папка привозил меня, пятилетнего пацана, на саночках в детский садик в городе Павлово на Оке. Ребяшня копошилась зимой над построением из снега большущего корабля под знаменитым названием, которое я забыл. Возможно, «Товарищ Красин». Корабль был с трубой и красным флагом, и всю зиму он представлял собой гордость садика, поскольку не было среди его питомцев ни одного, кто бы ни участвовал в его построении, естественно, под руководством воспитателя. В помещении детишки были заняты в большинстве своем игрушками. И так же, как их взрослые прототипы, пытаются ухватить наиболее интересную игрушку себе, так и детишки иногда поднимали рев по поводу отнятой старшим товарищем этой самой игрушки.

В подобной спорной ситуации я получил однажды вожделенной игрушкой по голове, и, поскольку я получил этого тумака от более сильного пацана, то, не зная, что в этой ситуации придумать, я заревел. Ко мне подошла моя сверстница лет пяти, наделенная природной чуткостью и добрым сердцем, и погладила меня по головке. Я, как мужчина, сразу же перестал реветь и подарил своей новой подруге мячик. Дружба эта длилась долго, и когда я научился самостоятельно ходить из садика домой, то прежде, чем это сделать, я шел за саночками, на которых увозили мою драгоценную подругу, Шел, провожая эти саночки до моста, за которым начиналась какая-то совсем неизвестная страна. Туда я заходить уже не решался. Когда в 1939 году меня, семилетнего парнишку, увозили из города Павлово на Оке на Моховые горы⁴ под город Горький, я с тоской прощался с той неизвестной мне, далекой страной, где оставалась частица моего сердца.

Когда мне было десять лет, мы жили уже в городе Горьком в доме макаронной фабрики. Отец был на фронте. Мать по шестнадцать часов в сутки находилась на работе. Мы с братиком были предоставлены самим себе, и я снова влюбился, теперь уже в соседку Ниночку – мою сверстницу. Дело дошло до того, что я изъясил из обращения у моей мамашы позолоченную заколку и с волнением в груди подарил ее Ниночке. Мама Ниночки немедленно выяснила, откуда взялась заколка, вернула ее моей мамаше, а я получил первый урок, из которого следовало, что дарить можно только то, что сам заработал. Тогда подарок будет дорогим, какую бы ценность, маленькую или большую, он не представлял, и на душе будет чисто оттого, что подарок этот чистый.

Но все-таки настоящая любовь захватила меня, когда мне было уже девятнадцать лет. Я только что поступил в Горьковский университет, а она была студенткой второго курса радиофизического техникума, расположенного в то время на Верхневолжской набережной недалеко от Художественного музея. Галя Панюгина, несмотря на свой пятнадцатилетний возраст, выглядела уже зрелой девушкой и привлекала своей красивой фигурой не только нас, молодых парней, но и мужиков постарше. Жила она в том же доме макаронной фабрики, что и я, только она жила на первом этаже, а я на пятом.

На втором этаже того же дома жил мой товарищ Феликс Чулков. Учился он в десятом классе спецшколы военно-воздушных сил, ходил в школу в военной форме и выглядел бравым летчиком. Глаза девушек загорались призывным огнем при виде Феликса в этой красивой форме, так же как когда-то юные создания рдели при виде гусаров и «в воздух чепчики бросали».

⁴ Район Горьковской области

Собственно, совсем недавно, после седьмого класса я тоже сдал экзамены в эту спецшколу. Но в первые же дни учебы ушел из школы, узнав, что летчиком мне не быть, в связи с тем, что правый глаз у меня был когда-то деформирован ударом клюшки.

Еще один товарищ – Алик Чепуренко – жил тоже на втором этаже напротив Феликса Чулкова. Этот парень, как мы тогда говорили, был из культурной семьи. Папа у него был одним из начальников на макаронной фабрике и воспитывал своего отрока в строгом режиме, не допуская его участия в наших уличных баталиях. Остальные ребята: – Гена Барнуковский, Виталий Маркелов, Лешка Лямин, Герка Паскевич, Колька Караванов – так же, как и я, в это военное время воспитывались улицей и могли в любой момент выдать на гора что-нибудь неожиданное. Поскольку я был самый старший из нашей компании, то, следовательно, я первый и обратил внимание на Галю Панюгину, предложив однажды проводить ее домой с танцплощадки у клуба Тобольских казарм. Она согласилась и все время, пока я ей что-то рассказывал, она молчала. У меня уже на груди красовались два третьих разряда с изображением легкоатлета и конькобежца, и это как-то выделяло меня из компании наших парней, и, следовательно, рассказать мне ей было о чем.

На следующее утро мы уже шли вместе в наши учебные заведения. Я провожал ее до техникума, а сам возвращался на улицу Свердлова в свой университет. Так было каждый день. Когда я провожал ее, расстояние между нами было не менее полуметра, и, если я нечаянно касался своей рукой ее руки, мы оба вздрагивали.

На осеннем эстафетном забеге на приз газеты «Горьковская правда» университет включил меня в молодежную команду и доверил мне стартовый этап с площади Минина до драмтеатра, затем поворот налево и до ул. Пискунова. Огромная толпа зрителей сосредоточилась на площади Минина, рядом с улицей им. Свердлова, и среди них были главные для меня зрители: группа моих товарищей в основной толпе у входа в улицу и папа с мамой на старте с моими вещичками. А среди этих товарищей был и главный зритель – она, Галя Панюгина. Чтобы не затеряться в толпе участников забега числом пятьдесят-семьдесят человек, я рванул со старта, выскочил вперед и первым проскочил мимо толпы зрителей.

– Павлик, Павлик бежит, – услышал я голос Гены Барнуковского, когда пробежал мимо толпы.

О! Никакие аплодисменты не взволновали бы меня больше, чем эти слова Гены, прозвучавшие рядом с предметом моего обожания.

Идиллия продолжалась недолго. Галя все так же молча принимала мои робкие ухаживания, я так же ежедневно продолжал провожать ее по утрам в техникум. Но всякого рода мои приглашения в кино или на молодежный вечер с художественной самодеятельностью и танцами, где я читал свои стихи, она под всякими предлогами отклоняла.

Однажды, подходя к техникуму, я сказал что-то о Феликсе Чулкове. Она быстро отвернула свой взгляд, на лице у нее зардел румянец, и я почувствовал на расстоянии, как неожиданно волна напряжения прошла по ее вздрогнувшей руке. Конечно, я был не опытен, чтобы сразу же понять ее состояние, но отсутствие опыта восполнялось обостренным чувством любви к ней, которое позволяло заметить любое движение ее души и шестым чувством понять причину этого движения. Сердце вздрогнуло и сжалось в предчувствии надвигающейся потери. Но, слава Богу, к тому времени я уже был спортсмен, умеющий блокировать тяжесть физической нагрузки и двигаться дальше, преодолевая эту нагрузку. Оказалось, что этот опыт позволил удержать меня от необдуманных поступков, когда возникла вдруг тяжесть души.

При встрече с Феликсом я выбрал момент и сказал что-то о Гале. Феликс тоже вспыхнул румянцем. Я начинал понимать, что я тот самый волнорез, о который бьются две взбудораженные предстоящей встречей души. Галя не могла по личной инициативе подойти к Феликсу. А Феликс? Если бы он был равнодушен, то, конечно, ему ничего не стоило бы подойти к ней и заговорить, о чем взбредет в голову. Но он был влюблен, и, следовательно, его обуревала

масса чувств: желание быть рядом с ней, робость вперемешку со страхом получить равнодушный прием, чувство долга перед товарищем, то есть передо мной, чувство уязвленной гордости, не позволяющее вклиниться со своими нежностями между двумя близкими людьми и так далее, и тому подобное.

«Неужели я лишний?» – думал я.

Но любовь – это не игра в покер, проиграв в который, встал и ушел с раздражением, пытаюсь забыть неудачу, и с надеждой выиграть в другом месте или в другой раз. Любовь не верит здравым рассуждениям, она цепляется, пытается найти ошибку в этих рассуждениях. Человек в этом состоянии ведет себя по-разному. Он или начинает воевать за свою любовь, не гнушаясь нарушениями принципов чести и достоинства, или превращается в того Васисуалия Лоханкина, который продолжает волочиться за предметом своего воздыхания, скуля душой и взывая охрипшим голосом: «Зачем ушла ты от меня к Птибурдукову? Ты гнида жалкая и мелкая при том», или, собрав всю волю и преодолевая вопль души, решается вскрыть нарыв противоречий и увидеть воочию с кристальной ясностью, что же с ними всеми происходит.

Я сделал так:

У кого-то из наших ребят созрел день рождения. Мы договорились с Галей встретиться на углу, чтобы вместе идти на этот праздник. В преддверии празднества группа ребят уже пропустила по рюмке на лестничной клетке. Я отозвал Фельку и сказал:

– Слушай, чего ты избегаешь меня и Галюху?

– Я не избегаю, – ответил Фелька и покраснел до мочек ушей.

– Врешь, избегаешь. Из-за меня?

– Ну, допустим.

– А вот этого допускать не надо. В таких делах мы все свободны. Понял?

– Ну и что?

– А то, что мне надо сейчас бежать на стадион, а я пригласил Галю на сегодняшнее веселье. Встреча в шесть вечера на углу. Мне придется опоздать. Я тебя прошу ее встретить. Сделаешь?

– Конечно, сделаю, – еле сдерживая волнение, пробормотал Фелька. Теперь он был красный, как из парной.

И я ушел. Вернее, я прыгнул. В омут. Когда я пришел на праздник, мои обрученные уже сидели рядом с блаженными улыбками. Вино на них не действовало. Провожать Галю мы пошли вдвоем. На следующее утро в окно я увидел, как две фигурки двинулись на расстоянии полметра друг от друга. Он – в свою школу ВВС, она – в радиотехникум.

Итак, я прыгнул. Для этого потребовалась бесшабашная решимость, но я и не предполагал, какая боль после этого последует. Нет. Я все еще не мог признать себя лишним. Так же, как человек до конца не может поверить в надвигающуюся кончину своего близкого, и поэтому хватается за любую соломинку, спасая его, так и влюбленный не может смириться с потерей этого уже родного человека, которого он любит. Надежда не покидает его до тех пор, пока все аргументы не будут исчерпаны. Я начал писать стихи и дарить их Галке. Она принимала их и, по-видимому, не знала, как реагировать на них.

Стихи редко возникают в счастливые минуты. Человек довольствуется своим счастьем, а счастье имеет привычку со временем превращаться в обыденность. К нему привыкают. О стихах как-то и мысли не возникает. Другое дело – неразделенная любовь. Душа как бы противится потере.

*Она грустит, бурлит, клокочет,
Как будто сердце выйти хочет
Из страдавшей груди,
Она зовет: мой друг, приди!*

В душе рождается музыка, стихи. Восполняя потерю, неразделенная любовь бросает человека во власть мечты, и часто надолго. Уходя со временем в прошлое, она оставляет на сердце шрам, который долго, долго продолжает еще стонать. Она иногда меняет сам характер человека, отнимая у него уверенность в себе, превращая его в вечного страдальца, в ревнивца. Вот почему говорят, что ревность – это болезнь. Да, это болезнь, болезнь души, приобретенная в момент первого удара по надеждам. И лечить эту болезнь надо, как говорят, «клин клином», если повезет встретить еще более восхитительный колодец, в который упадет жаждущая взаимной любви душа однажды споткнувшегося человека. Ну, а если не повезет, тогда – труд. Труд спортсмена, труд инженера и вообще любой труд, который полностью поглотит человека, поставившего перед собой цель и в напряженном этом труде достигающим намеченной цели.

Осень. Мы идем с Галей по улице Свердлова. Я провожаю ее в техникум. Прежде, чем повернуть на Верхнюю-Волжскую набережную, я прошу подойти Галю к памятнику Чкалову и взглянуть с площадки так называемой Чкаловской лестницы на слияние двух могучих рек, на Стрелку. Сильный ветер взрыхляет поверхность Волги бурунами. На небе черные тучи.

– Посмотри, Галя. Видишь, два мощных рукава: Ока и Волга. Они могут быть вместе, как здесь, на Стрелке, а могут протекать рядом на расстоянии, чтобы потом разойтись и больше не встретиться. В моей груди, Галя, мощный поток, поток уважения, любви к тебе. Если бы тебе было сейчас восемнадцать, ты бы согласилась так же вот – две реки в одну?

Я поставил вопрос и почти знал ответ. Он будет отрицательным. Но если бы остался хоть один шанс, я все равно поставил бы этот вопрос, ибо, не поставив его, я всю оставшуюся жизнь мучил бы себя за слабоволие. По-видимому, я побледнел. Она посмотрела на тяжелую картину нависшей над нами природы, посмотрела на меня, и я увидел, как она испугалась. Она медленно стала отступать. Я стоял и смотрел на нее. Она отступила на несколько шагов и, ничего не сказав, повернулась и пошла в техникум. А я, вместо лекций, пошел на тренировку, чтобы заменить тяжесть душевную тяжестью физической, чтобы вместе с потом из меня вышла щемящая тоска потери. Через несколько месяцев я, студент первого курса, стал чемпионом Горьковского госуниверситета по конькобежному спорту.

Прошло десять лет. Я работал старшим инженером в Горьковском НИИ⁵ приборостроения. В мою группу пришел на работу техник Женя Ошарин. Он приехал из Красноярска. Как-то так получилось, что кто-то из нас – или я, или он – упомянул имя Гали Панюгиной. И Женя рассказал мне продолжение истории предмета моего восторженного обожания.

Она появилась в Красноярске после окончания радиотехникума. Завод в Красноярске молодой, и работники в нем в основном вчерашние студенты, начиная с рядовых инженеров, техников, начальников цехов и кончая главным инженером. Почти все холостые. Галя со своей явно притягательной фигурой, как сейчас говорят – сексуальной – тут же привлекла внимание молодых парней. Победу одержал какой-то начальник цеха, с которым ее понесло по ухабам близких взаимоотношений. Когда Феликс, окончив спецшколу ВВС, а затем и военное училище, и уже с офицерскими погонами приехал вдруг в Красноярск, чтобы, как нам часто показывали в кино, забрать ее с собой, он ее дома не обнаружил. «Кина» не получилось. Словоохотливые соседи рассказали ему про успехи этой красивой девушки, заверив его, что сегодня ночью она домой, наверняка, не придет. Феликс ждал. До утра. А утром, ни слова не говоря, встал и уехал, чтобы больше уже не приезжать.

Ветер молодости занес ее замуж за секретаря райкома комсомола, потом тот же ветер разнес эту пару, и она оказалась в Горьком. Я встретил ее – уже другого человека. Глядя на нее,

⁵ Научно-исследовательский институт

я вспоминал ту молоденькую, не обветренную временем и событиями девчонку, а эту воспринимал как совершенно другого человека, от общения с которым не дрогнула и не зазвучала ни одна струна моего музыкального инструмента, воспроизводящего высокие чувства любви. Увы, не дрогнула.

Галя вышла замуж за одного из ведущих специалистов в городе Горьком и устроилась на работу в один из престижных институтов. А моя первая любовь была стерта, затерта другими увлечениями. И только тогда, когда я рассматриваю любительские фотографии с ее изображением, погружаюсь в это волнующее прошлое, я начинаю понимать, какое же это счастье все-таки – жизнь, как много в ней было, а может, и еще будет прекрасного.

Студенческие годы

Пятерка

Мы, студенты первого курса радиофака ГГУ, толкались около аудитории, где профессор Николаев принимал экзамены по общей физике. Первый курс, первый семестр, первые экзамены. Вот-вот профессор пригласит следующую группу студентов. А он встает, выходит и... уходит. Куда? Догадаться с одного раза. Инициативный студент, если даже уверен в себе, все равно подстрахуется. А я инициативный. Вбегаю в аудиторию, беру первый попавшийся билет и читаю. «Ага! Движение ракеты. Понятно: горячее горит, вес уменьшается, ускорение растёт и так далее». Посмотрел другие вопросы, положил билет с краю, пожелал успехов рядом сидящему Юре Зайцеву, который с распухшей головой готовился к ответу, и выбежал.

Нашел нужный материал по вопросам билета, подготовился и по приглашению профессора вошел в аудиторию. Когда подошел к столу с рассыпанными на нем билетами, улыбка с моего лица сошла, исчезла, поскольку исчез подготовленный мной билет. Как потом выяснилось, Юре Зайцеву показалось, уж слишком далеко к краю стола был отодвинут мой билет. Чтобы оградить меня от неприятности, он передвинул этот билет поближе к общей куче, чем и ввел меня в замешательство.

– Вы чем-то озадачены? – спросил меня профессор, видя мое состояние.

– Э... ищу свой билет, – честно ответил я.

Шутка профессору понравилась.

– Берите любой. Они все ваши.

И я взял первый попавшийся. Первое, что я увидел в билете – это свою фамилию Шаров. Только с маленькой буквы.

– Опять что-нибудь не так? – поинтересовался профессор.

– Нет. Все в порядке. Тут вот моя фамилия написана, шаров.

Профессор взял у меня билет, посмотрел в него, потом на меня и удовлетворенно сказал:

– Поздравляю вас. Вы все-таки нашли свой билет.

Фокус с моим билетом ему явно понравился. Я сел и стал готовиться. Первый вопрос: «Упругое и неупругое соударение **шаров**».

Когда я отвечал профессору на этот вопрос, он похвалил меня:

– Очень хорошо. Я вижу, что вы внимательно слушали мои лекции. Тот материал, который пока не опубликован, вы могли узнать только из моих лекций.

Конечно, я все это прекрасно слышал. Еще бы! Как только он на лекции произносил слово «**шаров**», я тут же просыпался, за что и получил заслуженную пятерку.

Михаил Адольфович Миллер

Михаил Адольфович Миллер не читал лекций на нашем курсе. Но однажды, подменив одного из преподавателей, он таки прочитал запоминающуюся лекцию. Но запомнился он мне не только уровнем изложения материала, но и раскрепощенной формой обращения со студентами.

Войдя в лекционный зал, он в первую очередь обратил внимание на отсутствие мела. Юра Зайцев, сидящий на первой парте, вскочил и побежал к выходу.

– Сейчас я принесу.

В этот момент Михаил Адольфович увидел не замеченный ранее мел.

– Подождите. Не нужен мел, – крикнул он убежавшему Юре.

– Я сейчас, сейчас принесу, – повторил Юра и выбежал из зала.

Михаил Адольфович несколько секунд смотрел на дверь, за которой скрылся Юра. Потом повернулся к нам, с сомнением пожал плечами и сказал:

– А я думал, что он за мелом.

Зачет

Первый и второй курсы радиофака – сплошная математика. Семестры один за другим, как колдобины и выбоины. Некоторые студенты не выдерживают этой скачки, спотыкаются и плюхаются, пополняя стаю гусей лапчатых в ведомостях преподавателей. Это не беда. Лишь бы зачетка была чистая. Преподаватели снисходительно разрешают пересдачу.

Нас трое: я, Алька Румянцев и Виктор Чирков, удостоенных чести сдавать зачет по второму заходу. Преподаватель – молодая женщина – раздает нам билеты с задачами и уходит.

– Готовьтесь, ребята, я через полчаса зайду.

Она, конечно, знает, что решаться задачи, поставленные в этих трех билетах, будут нами сообщать и с использованием учебных пособий. Но ее это не волнует, поскольку наши истинные знания проявятся в ее непродолжительном разговоре с каждым из студентов. И уж если и на этот раз не повезет, то в зачетке появится двойка, очень похожая по форме на гуся. А это опасно – могут не допустить до экзаменов. А чтобы этого не произошло, придется мельтешить по кабинетам, испрашивая разрешение на третью попытку.

Как только преподаватель вышла, мы сгрудились и сообща подготовили решения изложенных в билетах задач. Прошло полчаса, а ее нет, еще полчаса – нет.

– А я думал, что она в туалет ушла, – произнес Алька. – Значит, по делам.

А напротив университета Дом офицеров. А в Доме офицеров замечательный буфет.

– Сбегаем?

Оставили на столе исписанные листы с решениями задач, и ходу. Одна-другая минута, и мы в буфете. Берем лимонад, по бутерброду – разливаем.

– Жарко! Давайте по пивку.

– Давай!

Выпили, расслабились. Напряжение пропало.

– Безобразие! – раздается откуда-то сверху. – Кто тут позорит благородное заведение?

Поднимаем головы.

– Васька!!! Ты куда провалился? Ты откуда свалился?

– Да мне эта тягомотина поперек горла встала. Провалился. Поступил в политех на электрофак. Но главное не в этом.

– А в чем?

– У меня в кармане бутылка водки мучается, а вы какую-то мочу пьете.

Разлили по стаканам, выпили.

– Одна отмучилась, – констатировал Васька. – Кто за второй пойдет?

За желающими дело не встало. Вторая тоже отмучилась.

Веселую гурьбой прошли по улице Свердлова, спустились по недавно выстроенной лестнице к Волге. Прошли по набережной.

Вечерело. Наслаждались легким обдувающим ветерком. Хмель постепенно испарялся, возвращая молодые организмы в нормальное состояние, стирая с лиц бессмысленные улыбки и понижая тон бессвязной болтовни, когда каждый что-то доказывает всем, не слыша, что говорят другие.

И вдруг меня как будто прошибло.

– Парни! А ведь мы зачет сдаем!

Когда прилетели в аудиторию, где нам были вручены билеты и где мы оставили листы с решениями задач, мы увидели: «а их нет!!!»

И мы изобразили последнюю сцену из известной пьесы «Ревизор».

Опасная реакция

На одном из студенческих вечеров я познакомился с девушкой. Ее звали Анжела. Однажды мы шли мимо биологического отделения Горьковского университета в сторону улицы Свердлова и весело беседовали. Я изо всех сил старался развеселить спутницу смешными моментами из своей жизни, анекдотами и юмористическими четверостишиями. Справа высокий деревянный забор, за которым еще один забор – пониже. За ними располагались здания и стадион «Динамо». На углу улицы, по которой мы шли, и улицы Свердлова – кинотеатр «Палас». До кинотеатра оставалось метров пятьдесят. Длинная очередь в кассу за билетами.

Вдруг в очереди началось волнение, переросшее в людской водоворот, в центре которого мелькали два милицейских головных убора.

«Кто-то лезет без очереди», – подумал я.

Одна из милицейских фуражек вылетела из водоворота и покатила по улице. Через мгновение из толпы выскочил здоровенный высокий парень (в полтора раза больше моей весовой категории) и бросился бежать навстречу нам с Анжелой. Когда парень подбежал к нам, я выскочил ему навстречу и неожиданно получил сокрушительный удар в челюсть. Моим достоинством было то, что я – участник всех студенческих соревнований по легкой атлетике – хорошо бегал. Других достоинств, способных противостоять этому парню, у меня не было. Но удар в челюсть, после которого я распластался на асфальте на глазах Анжелы, взбунтовал меня. Я вскочил и бросился догонять обидчика. Тот добежал до высокого забора и скрылся за ним. Когда я забежал туда, увидел, что он, уцепившись руками за низкий забор, пытается подтянуться и перемахнуть на стадион «Динамо».

Я молниеносно сообразил, что моя попытка силой задержать верзилу закончится для меня еще одним, а может и не одним, сокрушительным ударом в ищущую приключений физиономию. Поэтому я, глядя в спину парню, громко крикнул:

– Стоять!

Это завораживающее слово лишило парня воли к сопротивлению. Он отцепился от забора, повернулся и удивленно уставился на меня сверху вниз. Если бы пауза затянулась, то он вгвоздил бы меня в асфальт своим огромным кулачищем, как мелкий гвоздь в деревяшку. Но момент был упущен. За моей спиной возникли два милиционера, у одного из которых назревал синеватый фингал под глазом.

Парня скрутили и увели, а я с чувством собственного достоинства подошел к Анжеле, чтобы услышать от нее похвалу за героический поступок. Но услышал совсем другое:

– Пашка, что ты наделал! Зачем ты его поймал? Этот парень получил увольнительную из военной части на свадьбу брата.

– Он что, знакомый, что ли?

– Конечно, знакомый. Выпил на свадьбе, теперь посадят.

– Вот что, Анжела, иди к своим друзьям. Пусть срочно всей свадьбой бегут в отделение милиции извиниться перед милицио-нером, которому он вмазал. Пусть ящик коньяка тащат начальнику районного отделения милиции.

Расстроенный этим инцидентом, я шел домой, проклиная свою неводержанность. «Быстрая реакция – это хорошо, – думал я, – только она не всегда бывает полезной и безопасной».

А где Петька?

Осень. Глубокий вечер. Мы – трое студентов – шли по хлюпающей под ногами грунтовой дороге с прогулки по деревне к дому, где поселили нас – помощников при уборке урожая. Конкретно – картофеля. «Битва за урожай», как выразился второй секретарь горкома Соколов, отвечающий за исход этой битвы, была в разгаре. Мы шли слегка выпивши и громко разговаривали. В центре Петька с бутылкой самогона в кармане, слева – Анатолий, справа – я. Спорили о высоком: о Вселенной, о справедливости и о том, где взять закуску. Впереди мост через широкий ручей под названием «речка – рачка» (одну букву надо добавить). Откуда брала начало эта речка, мы не знали, а вот один из притоков, судя по амбре, брал свое начало в огромном свинокомплексе.

За мостом еще сто метров, и мы дома.

Громче всех говорил Петька. Когда он что-либо доказывал, справа и слева из темноты раздавался собачий лай, нарушая первозданную тишину засыпающей деревни. Когда вышли на мост, Анатолий сделал замечание Петьке.

– Ты потише бормочи. Всю деревню баламутишь.

Петька снизил громкость своего громкоговорителя, а потом как-то неожиданно замолчал, не закончив длинную тираду, которую начал метров за пятьдесят до моста. Пройдя еще несколько шагов, мы с Анатолием, не договариваясь, остановились и посмотрели на Петьку. А его нет! Пропал Петька! Вместе с бутылкой самогона! «Может, споткнулся?» Смотрим назад. Там темнотища страшная. Нет Петьки, и все тут!

– Петька! Петька!

Нету.

Вдруг откуда-то издалека раздается кряхтенье и слабый голос:

– Я ту-у-т.

– Его что? Вознесло, что ли? – с сомнением произнес Анатолий, всматриваясь в темень неба.

– Черт знает. Давай назад. Вдруг застрял где-нибудь.

Пошли назад, внимательно глядясь в темноту.

– Оп! Вот она! – воскликнул Анатолий. – Еще два шага, и ты остался бы один.

Под ногами в мосту зияла большая дыра, в которую чуть-чуть не вступил Анатолий.

Когда Петька шел между нами по мосту и философствовал, он неожиданно исчез в этой дыре и перестал бормотать. Общими усилиями извлекли Петьку из речки и отмыли водой из ближайшей колонки. Самогон пили без закуски.

Пашка лав ю Машка

В деревне, куда наш курс будущих радиофизиков направили собирать урожай картофеля, нас разместили по домам. Когда мы, постучав в дверь, вчетвером ввалились в избу, нам представилась замечательная картина: на фоне широко распространенного изображения лебедей, очень похожих на гусей, плавающих по озеру, на широкой кровати с горкой подушек сидела молодая кудрявая женщина необъятной ширины, как в лице, в плечах, так и в талии. Она была настолько кудрявая, что казалась нарисованной тем же деревенским художником, что и настенное изображение гусей-лебедей. Показав свою первозданную красоту на фоне красоты художественного изображения на стене, она слегка поерзала и спустилась с пушистой кровати к нам на твердый пол, скрипнувший под ее тяжестью. Роста она оказалась, как и мы, среднего, но массогабаритные размеры внушали уважение.

– Пришли? – спросила она, ни к кому не обращаясь. – Пойдемте, покажу, где ночевать будете.

Жилое помещение состояло из двух комнат, одну из которых мы и заняли.

Маша, так звали нашу хозяйку, была неразговорчива, а, следовательно, и неворчлива. Показала нам печку, чугуны, посуду.

– А где туалет? – спросил Анатолий.

– Там, – показала Маша рукой в окно, за которым простиралась заросшая лесом матушка Россия.

– А где магазин?

– Там, – показала Маша в противоположное окно, – в следующей деревне.

В магазин решили отправить посыльного завтра. Сегодня поздно – стемнело.

Маша приготовила нам незатейливый ужин: молоко, куриные яйца, хлеб. Мы перекинулись дюжиной анекдотов и завалились спать. Кто на кровати, кто около кровати, постелив на пол все, что подвернулось под руку.

На следующий день вернулись «с битвы за урожай» затаренные сумкой с картошкой. На столе уже лежало все необходимое, принесенное из магазина. И самое необходимое – бутылка водки и бутылка сухого для Маши. В ответ за проявленное к ней уважение Маша достала из погреба бутылку самогона, соленые огурчики и сняла с насеста шустрого петуха, повадившегося все время «топтаться» среди соседских кур.

– Вот, – сказала она, – держите петуха, топор в прихожей. Отрубите башку, я вам его ощиплю – и будет суп.

Мы столпились во дворе около большого пенька и решали, кому поручить экзекуцию. Лева наотрез отказался не только практически участвовать в смертоубийстве, но и глядеть на это, опасаясь, что его может вырвать. Анатолий тоже отказался брать грех на душу.

– Эх вы, слабаки, – сказал Юра, взял у меня петуха, прислонил его к ровной поверхности пенька, размахнулся топором и... раз! Мимо!

В последний момент петух, почувствовав себя у финишной ленточки, рванулся, захлопал крыльями, клюнул Юру в руку и полетел... в соседний курятник. Пришлось вести дипломатические переговоры с соседом. стакан самогонки был убедительным аргументом, и петух снова попал к нам в руки.

Теперь была моя очередь. Я осторожно приблизился к месту казни и, имитируя куриную разговорную речь «ко-ко-ко», прислонил шею петуха к пеньку. Петух внимательно косил на меня глазом, гадая, что это за курица с такой мордой. И в это время я ударил топором. Голова с удивленно раскрытым глазом осталась на пеньке, а петух, проявив природную шустрость, рванулся из моих рук и полетел.

– Опять в чужой курятник, – предположил Юра.

– Юра, – ответил я, – он теперь ничего не видит, не слышит и нюх потерял. А летит он туда, куда его петушинная душа зовет.

– А как же мы его достанем?

– Сейчас его душа отлетит, и его брненное тело попадет прямо к нам в суп.

Так оно и вышло. Далеко он не улетел. И вскоре Маша умело ошипывала его, а потом в большом чугуне сварила вместе с картошкой.

Расселись за столом, выпили по стопарю, Маше налили в фужер сухого вина. Анатолий встал и произнес тост:

– Пьем не чокаясь. За упокой беспокойного пети-петушка. И пусть ему земля будет пухом.

– Ты чего несешь? – обратился к нему Юра – Какая земля? Каким пухом? До земли он еще не скоро доберется.

Выпили, потянулись за закуской. И вдруг заметили: Машино лицо превратилось в сморщенное яблоко величиной с тыкву.

– Что с тобой, Маша?

– Что это? – прошелестела губами Маша. – Кислота?

Гробовое молчание.

– Маш, ты когда-нибудь сухое вино пила?

– Нет. Красное сладкое пила, самогон пила, водку пила. А это не вино. Это отравка.

– Маша, – включился в разговор Юра, – давай я тебе сейчас шикарный коктейль сделаю. У тебя сахар есть?

Он влил в фужер пятьдесят граммов водки, столько же добавил сухого вина, еще столько же горячего чая, всыпал пару чайных ложек сахарного песка и размешал..

– Попробуй.

Маша попробовала и заулыбалась:

– Вот это вино.

Вечер прошел удачно. Маша все чаще посматривала на меня как на человека героического, не побоявшегося отхватить топором голову у петуха. Всей гурьбой пошли прогуляться. Стемнело. После прогулки все ушли в избу, а мы с Машей расселись на бревнах. Небо покрылось мириадами светлых точек. Я стал рассказывать Маше о Вселенной, конкретно – о Млечном Пути. «Вон там Полярная звезда, вот это скопление – Малая Медведица, а там – Большая Медведица. Самые близкие звезды: альфа Центавра, Сириус, Процион – в пределах десяти-двенадцати световых лет. А световой год – это расстояние, которое пролетает луч света за год со скоростью триста тысяч километров в секунду».

Я не знаю, о чем она думала, пока я рассказывал ей о пульсарах, голубых звездах. Знаю только, что когда мы, закончив разговоры, пробирались в темноте через сени, она вдруг остановилась перед дверью в комнату. Я подумал, что она не может найти ручку двери в комнату, нашел эту ручку и открыл дверь. И, тем не менее, она, как замороженная, стояла, не переступая порог. Я сзади подтолкнул ее, и она нехотя вошла в помещение, где около печки сгрудились трое моих товарищей. Лева взглянул на Машу и вдруг выпалил:

– Пашка лав ю Машка.

Немедленно крупный кулачище разгневанной Маши опустился на талантливую голову Левы. И он сразу почувствовал себя упавшим в оркестровую яму, где каждый из инструментов играл, что ему взбредет, заполняя пространство широкополосным шумом.

Я часто вспоминаю эту одинокую наделенную природой крупными габаритами Машу и от всей души желаю ей найти такого здоровенного мужика, который бы взлохматил ее картинно накрученные волосы. А еще вспоминаю пронизывающий меня глаз петуха за секунду до его последнего бессмысленного полета. Убить живое существо, даже если это необходимо, оказывается, не просто. И я это знаю.

Пионерский лагерь

Летом 1952 года, после окончания первого курса радиофака ГГУ, передо мной встал вопрос: куда деваться летом? Тренировки на стадионе «Водник» были временно прекращены. Для нас, во всяком случае, для неизбранных. (Избранные – это мастера и заслуженные мастера спорта). Так вот, я и решил куда-нибудь податься. В детстве я много раз летом отдыхал в пионерских лагерях, и мне это нравилось. «А не двинуть ли в пионерский лагерь каким-нибудь вожатым? И отдохну, и денюжат заработаю». Сказано – сделано. Звоню в приемные райкомов комсомола. Подряд – по справочнику. Предлагаю свои услуги

– А ты кто? – спрашивают.

– Я Паша Шаров, окончил первый курс Горьковского госуниверситета, имею спортивные разряды по легкой атлетике, по конькобежному спорту.

– Позвоните завтра.

Завершились такие разговоры предложением выехать в заводской пионерский лагерь недалеко, на правом берегу Волги. Работа – физрук. Физрук так физрук. Это даже лучше. Перед самым отъездом познакомился с директором, солидным мужчиной с сединой. Вожатые и воспитатели – все из комсомола. Руководящие работники. Один из них – первый секретарь райкома комсомола Ворошиловского района. Второй – тоже комсомольский вожак. Он мне когда-то комсомольский билет вручал. Сунул мне в руку билет, жмет эту руку своей потной ладошкой, а сам при этом с кем-то разговаривает. Из женского персонала – две молодые женщины, лет по двадцать пять, и одна совсем взрослая – старший воспитатель. Это все – те люди, которые занимались с детьми, и среди которых приходилось вращаться мне. Другой обслуживающий персонал: шофера, кладовщики, кухонные работники – это все люди, с которыми я не контактировал. Детей человек пятьдесят. Дети из первого отряда, теперь уже десяти и девятиклассники, некоторые повыше меня ростом и покрупнее. К мальчишкам этой группы в большую комнату и разместили мою кровать, чтобы кроме всего прочего я следил за поведением ребят после отбоя.

Первое, что я сделал, я построил 1-й отряд и предложил провести в лагере спортивную олимпиаду. Меня бурно поддержали.

– Но для этого, – сказал я, – надо соорудить спортплощадки.

– А это как?

– А вот так. Роем не глубокую, но длинную и широкую яму, засыпаем в нее речной песок, на расстоянии два-три метра снимаем полоску дерна и кладем широкую доску для заступа. Получилась яма для прыжков в длину. Рядом с ямой врываем два столбика высотой два метра с разметкой в сантиметрах, поперек на деревянных гвоздях планка или натянутая веревка. Получился стенд для прыжков в высоту. Два столба, на которых укреплена металлическая труба – получилась перекладина, то есть турник. Обмеряем дистанцию, расставляем флажки – вот и беговая дорожка. Для старших ребят и девочек дистанция сто метров. Для младших – шестьдесят. Фехтование на палках отменяется – опасно. Ползать на четвереньках и плевать – не солидно. Все ясно?

– Ясно!!!

И началась работа. Потом тренировки. За старшими потянулись младшие. Задумка моя чуть было не сорвалась, потому что один из пацанов после прыжка в высоту неудачно приземлился и вывихнул одну руку. Был совет. Меня отругали, но идею поддержали, и я продолжал подготовку.

На олимпиаде страсти кипели вовсю. Появились чемпионы. Меня особенно поразила одна белокурая девчонка лет десяти, занявшая первое место среди младшей группы на дистан-

ции 60 метров. Хоть у меня в то время тренерский опыт был нулевой, но я сразу понял, что этой девочке принадлежит будущее, если она, конечно, будет заниматься.

И вот торжественная линейка. Вместо меня результаты соревнований почему-то объявляет старшая воспитательница. Грамоты и подарки почему-то раздаются не чемпионам, а «активным участникам соревнований». Десятилетняя девочка, занявшая первое место, напряженно ждет, когда же произнесут ее фамилию и дадут ей подарок. Но ей не дают. Я подумал: «Вот так, вместо того, чтобы вселить в человека уверенность, желание заниматься спортом, у ребенка напрочь отбивают охоту к этому». Когда старшая воспитательница раздала подарки, я подошел к младшей группе и сказал:

– А за первое место на дистанцию шестьдесят метров награждается... и я назвал фамилию и подарил то, что подвернулось под руку – перочинный ножик.

А после линейки я собрал старшую группу и сказал:

– Ребята, через два дня в соседнем пионерском лагере сормовичей тоже будет олимпиада. Я попытаюсь уговорить директора, чтобы он отпустил нас туда, посмотреть на соревнования.

Реакция директора была сверх моих ожиданий. Было принято решение участвовать в этой олимпиаде и вывести туда первый и второй отряды (старшая и средняя группы) во главе с вожатыми и воспитателями. Поскольку я мало чем отличался от пионеров первого отряда, мне было поручено тоже принять участие в соревнованиях. Я записался на прыжки в высоту и футбол. Я плохо прыгал, но занял первое место с результатом один метр сорок пять сантиметров. А зря. На меня стали как-то внимательно и косо поглядывать руководители сормовичей. В соревнованиях по бегу я, слава Богу, догадался не участвовать. Сразу же поймут подставу. В нашей футбольной команде я встал центром нападающим. Сормовичи играли хорошо, но мое преимущество в скорости сразу же бросалось в глаза. Зато техника игры у меня была пацаньячья. Я никогда не играл в футбол раньше. Гонял в детстве мяч и только. Никогда этим видом спорта не интересовался. С начала первого тайма прошло пятнадцать минут. И вот подача в центр поля. Я принимаю мяч и бегу к воротам противника. Движимый азартом, разгорячился, вошел в раж. Налетающих на меня пацанов почти не замечаю. Вот уже близко ворота. Впечатление такое, что в воротах пацан-вратарь, а на него летит буйвол. Мне показалось, что он зажмурился. Метров с пятнадцати я изо всей силы ударил по мячу. Если бы я мячом попал во вратаря, он бы влетел в сетку вместе с мячом. Но этого не случилось. Мяч пролетел над верхней перекладиной ворот и улетел к черту на кулички. Публика гудит, публика свистит, свистит и судья. Замена. Наш представитель, вожатый первого отряда, заменяет меня на другого игрока.

– Тебя расшифровали, – сказал он мне, – как, не знаю, но расшифровали. Говорят: «Вон у того ноги волосатые». Это про тебя. Так что, одевай штаны и не светись.

Провели мы в своем пионерском лагере и еще одну игру. Играли две команды. Каждая получала записку, где в зашифрованном виде было указано место другой записки, и так далее, пока не находили по адресу в последней записке запрятанный предмет. Я придумал, на мой взгляд, интересный элемент игры. В последних записках были нарисованы пушка, пулемет и шашка. Шифровка гласила: «ППШ», то есть Павел Павлович Шаров. Этот Павел Павлович и был искомым предметом. Я нарядился женщиной, взял в руки сверток в одеяле и стал его баюкать, разгуливая по лагерю. Группа, нашедшая записку с ППШ, сразу же догадалась, что искать надо меня. Мимо меня носились взлохмаченные претенденты на победу, а я ходил среди них и баюкал своего поддельного ребеночка. И вдруг, маленький девятилетний пацаненок Фима посмотрел на меня, заулыбался и, показывая на меня, закричал:

– Паль Па... лич!

Меня тут же окружила братва. Я бросил ребенка и побежал. Какая-то девчонка уцепила меня за платье, раздался треск разрываемой ткани, и... меня стали раздевать, чтобы найти последнюю записку с надписью «Победа!». Разгоряченные пионеры принесли меня к главному

судье в плавках. Хорошо, что в плавках. Игра окончена, победители торжествовали, я собирал обрывки одежонки.

Приглядевшись ко мне, директор вызвал меня однажды к себе и сказал:

– Я вижу, что вам, Павел Павлович, можно доверить серьезное дело. И, я бы сказал, опасное.

– А в чем дело-то?

– Видишь ли, туалетная яма оказалась мала, она уже наполнена. Рядом рабочие вырыли вторую. Осталось работы – раз плюнуть. На уровне колена пробить из этой новой ямы дырку в ту яму, которая полна. Рабочие боятся утонуть, а ты мужик шустрый, выскочишь.

Я подошел к яме. Вокруг стояли рабочие и старшие мои товарищи – вожатые. Все смотрели на меня, как на человека, героически идущего навстречу опасности. Я понимал, что, если я откажусь, то уже завтра утром всем им вместе с пионерами придется разбежаться по близлежащим лесным массивам. Да, отступать было нельзя. Доверие надо оправдывать. Я прыгнул в яму. «Ни себе фига! Яма выше головы. Попробуй выпрыгнуть». В углу стояла лопата – инструмент опасной трудовой деятельности.

– Мы тебя за шиворот вытащим, – забормотали вожатые.

– Ага, а отмывать кто будет? Ну что ж, попробуем, – сказал я и начал на уровне колена рыть лаз в неизвестность.

По моему предположению, расстояние между ямами было около метра. Вот уже дырка в тридцать сантиметров, сорок, пятьдесят, семьдесят. Земля стала мокрой. Я ткнул лопатой, и там вдруг заурчало, как в большом животе. Лопата пошла на меня. Я, как мартышка, развернулся, сделал два прыжка к краю ямы, подпрыгнул, ударил руками по земле и вылетел кульбитом из ямы. Мне показалось, что меня вынесла оттуда воздушная волна, потому что, когда я встал, яма была уже на две трети заполнена тем, в чем я, опоздай на секунду, мог искупаться. Процесс заполнения уже закончился.

– А где лопата? – спросил директор.

– Сейчас достану, – сказал я, и все расхохотались.

Таким образом, мой авторитет у работников пионерского лагеря рос. Рос он, этот авторитет, и у пионеров. В основном я снискал уважение у пацанов тем, что я очень много знал про Шерлока Холмса и его друга доктора Ватсона. Каждый вечер после отбоя я рассказывал им в течение часа очередную историю про Шерлока Холмса. Особенность этих историй была в том, что сам Конан Дойль часть из них, конечно бы, не вспомнил, потому что он их просто не писал. Я сочинял их прямо по ходу рассказа. Так было проще. Мои истории Конан Дойля были менее запутаны, но зато более динамичны. И это пацанам нравилось.

За несколько дней до окончания смены пришло известие от соседнего колхоза о том, что мальчишки из пионерского лагеря таскают из сада яблоки. Колхозный сад был настолько огромным, что просто удивительно, как это колхозные сторожа заметили воришек. То, что яблоки таскают, это было ясно, а вот пионеры из какого пионерского лагеря делают это, было не ясно. Поэтому руководство колхоза предупредило: будем ловить. Кому что ясно, а кому не ясно – это их дело. А мне все стало ясно, поскольку ребята из первого отряда сразу же признались мне, что они это тоже делают.

– Стоп, ребята! Это и так видно – вся территория в яблочных огрызках. Так вот, больше не ходить. Помните, что сказал Остап Бендер? «Командовать парадом буду я.»

– А когда?

– Когда будем уезжать.

За день до отъезда я собрал самых старших, посоветовал, как расставить несколько человек «на атанде». Самых ловких назначить собирателями. Под откосом найти укромное место, куда складывать рюкзаки и мешки с яблоками. В назначенный час Х работа началась. За час схрон наполнился яблоками. Вечером они были перенесены на территорию пионерского

лагеря. Все было тихо. Все участники получили килограмм по десять яблок. Угостили и вожа-
тых. И только старшей воспитательнице не досталось.

– А мне, а мне кто даст яблок, – причитала она.

Я посоветовал главному исполнителю удовлетворить ее, вдруг возникшие, потребности. До сих пор вспоминаю эту историю и не могу себе простить. И не то, что организовал умык-
новение 100—150 килограмм яблок из колхозного сада – все равно бы сгнили. Не могу себе
простить то, что я, будучи ответственным воспитателем, государственным человеком, факти-
чески руководил группой пацанов и преподнес им урок организации хищения. Правда, я сам
тогда еще был пацан, и во мне не испарилась еще эта пацанячья бесшабаш-ность, воспитанная
тяжелыми годами войны. Я бы забыл эту историю и не вспоминал о ней, если бы я лично спер
эти яблоки, но я был учителем, и этого я себе простить не смогу никогда.

В этот последний вечер было приказано уложить пионеров спать и после отбоя собраться
в столовой. Там состоялся прощальный банкет работников пионерского лагеря. Я в белых
брюках, белой рубашке явился на банкет, как и все, в хорошем настроении. Директор произ-
нес тост, и мы выпили водки. Потом директор произнес еще тост, и мы снова выпили водки.
Я в те времена вообще почти не употреблял спиртное, а если и пил, то какое-нибудь крас-
ное, но не водку и не коньяк. После третьей стопки я пошел танцевать с женой директора,
а, поскольку голова вдруг закружилась, ноги начали заплетаться, я нечаянно прислонил ее
к стенке. После танца директор пригласил меня и секретаря райкома комсомола (вожатого 1-го
отряда) к себе в кабинет. Там он вынул поллитровую бутылку коньяку и разлил в три стакана.
Я, как солдат, залпом выпил этот стакан. Раньше я такое количество, естественно, не выпивал,
тем более коньяку. Секретарь райкома начал пить и закашлялся.

– Я не буду, простите. Пусть Пашка выпьет.

– Выпей, Паша – обратился ко мне директор.

И я снова выпил. Я вышел на свежий воздух. Шел дождь, слякоть, а я в белых брючках.
Мозги работают отчетливо. Вот подбежала девчонка с кухни. Она стала что-то лепетать о том,
что она всю смену ждала момента встретиться со мной. «Может быть, может быть», но косми-
ческий корабль под названием Земля кидало на волнах из стороны в сторону, а я, как быва-
лый матрос, плясал на палубе этого корабля и не падал. В темном коридоре нашего корпуса
меня кинуло на какую-то парочку. По женскому восклицанию «Ой!» и по мужскому «У! Ты!»
я понял, что это тот комсомольский чиновник, который вручал мне когда-то комсомольский
билет, а рядом с ним одна из двадцатипятилетних воспитательниц. Я открыл дверь в спальную
комнату. Моя кровать первая слева. Но я прошел к окну, открыл его, перевалился через под-
оконник и, если так можно выразиться, начал «пить наоборот». Когда процедура освобожде-
ния от отравляющих веществ закончилась, я толкнул пионера, спящего рядом с окном, показал
ему на мою кровать и рухнул на освобожденную им кровать. Дойти до своей я уже не смог бы.

Утром я проснулся в каком-то жутком лабиринте из металлических кроватей. Ребята,
полагая, что мне может влететь за то, что я так напился, выполнили полученную свыше
команду «убрать все постельные принадлежности», и завалили меня сложенными в кучу метал-
лическими кроватями. Я выбрался из лабиринта, поблагодарил ребят и приступил к своим
обязанностям.

И снова я у директора оказался одним из главных исполнителей. Дело в том, что всю ночь
лил дождь, и для того, чтобы свезти на телегах вниз к пристани багаж пионеров, нужно было
проявить настоящие бойцовские качества. Телега подпрыгивала на кочках, чемоданы рассы-
пались, приходилось удерживать их, а за теми, которые свалились в грязь, лазать по скольз-
кому обрыву и вытаскивать на телегу. И все это по колено в грязи. Но вот дело сделано, телеги
с багажом доставлены на пристань, багаж перенесен на пароход, и мы снова отдыхаем. Руко-
водство похмеляется, а я через каждые два часа бегаю изображать графа де Блюи. Ничего
не поделаешь – печень.

Сватовство

Алька Румянцев был довольно самостоятельным человеком. Настолько самостоятельный, что, будучи студентом, умудрился у папы втихаря сначала соблазнить, а потом и увести его любовницу – жену одного старого полковника, заслуженного импотента. В студенческие времена редко кто был способен на такие подвиги. Но, тем не менее, Алька очень уважал своего отца за его ум, деловую хватку и за редким исключением во всем подчинялся его воле. Не сопротивлялся он и решению отца пораньше женить Альку, чтобы не балбесничал. Естественно, что будущую невесту для Альки выбрал папа. И после обсуждения этого вопроса со своим другом – отцом будущей невесты – решено было познакомить молодых. Для этого папа с Алькой собрались в гости, в семью невесты. Папа проинструктировал Альку, как надо завоевать сердце девушки, хотя и чувствовал, что Алька знает, как это делается, не хуже самого инструктора.

Пошли. Времени было достаточно, и по дороге папа решил зайти на минутку еще к одному своему старинному другу. Друзья сели выпить по стопке коньяку, а Альку отправили в соседнюю комнату поиграть с кем-нибудь из семейства в шахматы. Кем-нибудь оказалась дочка папиного друга – черноглазый галчонок в возрасте волнующихся гормонов.

Папа с другом стали закусывать, а Алька с галчонком – играть в шашки (шахмат не оказалось).

– Вы что со мной в поддавки играете? – спросил Алька, глядя на хитро улыбающуюся девушку.

– Ну, что вы? Как можно.

– А нам теперь с вами все можно. Вы знаете, зачем мы пришли?

– Откуда мне знать, – сказала девушка и покраснела.

– А может быть, прогуляемся? – предложил Алька.

– Я не против.

И они пошли погулять.

Когда папа с другом закусили и о том, о сем поговорили, отец Альки взглянул на часы и стал откланиваться. Тетушка-служанка, выписанная из деревни для ведения хозяйства, сбегала за молодыми. Те явились веселые и румяные.

– Вот, – похвалился Алькин отец, – веду отпрыска жениться. Скоро свадьбу закатим.

– А я уже... закатил, – удивленно уставился на отца Алька, – женился, то есть. По твоим инструкциям.

У Алькиного отца и его друга нижние челюсти на некоторое время отвисли. Но, когда глубокий смысл сказанного и, по-видимому, сделанного дошел до них, эти челюсти вновь пришли в движение.

– Тогда чего же мы стоим? – сказал отец. – Давай допьем бутылку-то.

– Давай допьем.

Зам. ком. по мор. де.

Как только появилось Горьковское водохранилище, вдоль берега, особенно со стороны города Городца, стали, как грибы после дождя, появляться многочисленные турбазы для отдыха студентов различных вузов и работников госпредприятий. Но самая большая турбаза, на мой взгляд, была под названием «Нептун». Состояла она из нескольких рядов палаток на четыре человека каждая, небольшой столовой, танцевальной площадки, на которой молодежь отплясывала под музыку заезженных пластинок.

А самым главным мероприятием были регулярные – один раз в смену – шлюпочные походы вдоль берегов водохранилища. Состав «мореходов» набирался из тридцати-сорока отдыхающих, по шлюпкам распределялся сухой паек, и под руководством инструктора, у которого хранилась энная сумма денег для приобретения по дороге молока, свежего хлеба и других продуктов питания, армада двигалась вдоль берега озера в течение почти всего срока путевки. Таким образом, нагрузка по обслуживанию отдыхающих в турбазе значительно сокращалась, поскольку в походе туристы обслуживали себя сами.

Когда состав «мореплавателей» не достигал нужного комплекта, талоны на путешествие продавались всем желающим, кто отдыхал «дикарем», то есть без путевок.

Именно таким «дикарем» в этот раз приехал на турбазу я и тут же озадачился вопросом: «А где я буду сегодня ночевать?»

Думать было особенно некогда, так как заиграла музыка и начались танцы. В процессе отплясывания я отметил, что, какую бы я девушку ни пригласил на танец, все, к моему разочарованию, сообщали, что они купаться и вообще никуда завтра со мной не пойдут потому, что с утра отплывают в шлюпочный поход.

– А кто инструктор, который поведет группу?

– Его зовут Игорь.

– А где его найти?

– Во-о-он там.

Нашел. Передо мной стоял моего возраста парень спортивного телосложения.

– Здравствуй, Игорь, – говорю. – Это вы распределяете талоны в турпоход?

– Да, я.

– А можно мне купить талоны?

– А ты кто? Плавать умеешь?

– Я студент. Второй разряд по беговым конькам и третий – по легкой атлетике. Плавать тоже умею: кролем, брассом, на спине. Люблю это... вверх ногами – нырять то есть.

Игорь задумался. Трудно было угадать, какие мысли витают в его извилинах. А мысли эти, прямо скажем, витали нехорошие, в чем я и убедился, когда он, наконец, сказал:

– Опоздал. Талонов больше нет.

И отвернулся, демонстрируя мне, что разговор окончен.

Я вздрогнул: «Что он? Конкурента, что ли, во мне увидел?» Приставать к нему было бесполезно, и я, рассерженный, пошел снова на танцплощадку. У входа увидел группу веселых девчат. Среди них выделялась блондинка средней полноты и роста.

«По-моему, я ее где-то раньше уже видел...»

Подошел.

– Девушка, вы с биофака?

– Да. А что?

– А то, что мы с моим другом вас с вашей сестрой один раз с праздничного вечера из ГГУ провожали.

– Да, да. Помню, что провожали. А кто, не помню.

- Есть надежда. Если мы с вами станцуем, то вы меня точно вспомните.
- Хорошо, – заулыбалась девушка.

И мы закружились в вихре вальса. Ее звали Валя. И снова на мое предложение о завтрашнем купании я получил уже привычный ответ:

- А мы завтра с утра идем на шлюпках..

«Вот гад, – подумал я, – всех хороших девчонок захомотал. Ну, погоди. Я тебе устрою чисто мужской состав!»

- Валя, – говорю, – а это не тот поход, которым Игорь руководит?
- Да, а что?
- Как бы тебе сказать? Будьте осторожны... там.
- А в чем дело? – насторожилась Валя.

– Ты меня извини. Трудно слова подобрать. В общем, он там через себя всех хорошеньких девушек пропускает. И компания ребят у него не очень хорошая. А для того, чтобы защитить вас было некому, мужиков-хлюпиков подбирает.

- А, может быть, ты с нами пойдешь?
- Так я бы пошел. Да он меня не берет.
- А что же теперь делать?
- Скажи девчонкам, чтобы талоны сдали. А завтра с утра купаться пойдем.

Группа во главе с Валею исчезла.

Я потанцевал с одной-другой девчонкой, изложил им выстроенную версию об опасности, которая их ждет, и покинул танцплощадку. Надо было искать ночлег.

Пробираясь сквозь кусты, отделявшие ряды палаток, я вдруг почувствовал, что меня кто-то крепко ухватил за шиворот. Я замер. С трудом повернулся к крепко держащему меня мужику. Он был выше меня на голову, а сама голова его была в полтора раза шире моей.

- Это ты, Пашка?
- Не... э... да, я.
- А я директор этой базы.
- Ну, и что?
- А то, что ты своей агитацией нам мероприятие срываешь.
- Как это?... Это как?
- А так. Половина состава турпохода талоны назад принесли.
- Женская половина? – не удержался я.
- Что ты им там наплел?
- Если честно, товарищ директор, я им правду сказал. Вспомните свою молодость.

Может, приукрасил немного.

- А зачем?
- Зачем приукрасил?
- Нет. Зачем тебе это надо.
- Мне не это, мне талоны надо.
- Хорошо. Иди к инструктору и бери талоны. Бесплатно. И агитируй всех назад.
- Слушаюсь, товарищ директор.

Я снова пришел к Игорю, широко улыбаясь.

Никогда еще он не был в таком дурацком состоянии. В нем боролись два чувства: врезать этому чмырю чуть ниже лобного места, желательно – в глаз, и страх вылететь с работы за нарушение трудовой дисциплины.

- На, держи талоны.

Я еще шире заулыбался, испытывая нервную систему инструктора, у которого от чесотки кулаков аж задрожали коленки. Но он сдержался.

- «Молодец», – подумал я.

– Вот еще что, – поборов в себе инстинкт самца-победителя, добавил он. – Директор приказал назначить тебя моим заместителем. Будешь мне помогать.

– С огромным удовольствием!

И я побежал снова на танцплощадку. Там меня окружили разагитированные девчата во главе с Вале́й.

– Девчонки, девчонки! Подождите галдеть. Ситуация изменилась. Директором базы я назначен заместителем командира по морским делам. Сокращенно: зам. ком. по мор. де. Предлагаю строевым шагом двигать за мной за талонами в шлюпочный поход. Командовать парадом буду я.

Шумной толпой девчата ввалились в палатку Игоря с просьбой вернуть талоны. Когда раздача закончилась, Игорь подошел ко мне:

– Извини. Ты вроде неплохой парень. Только сначала не понравился.

– Почему?

– Дерганый какой-то.

– Я не дерганый. Я шустрый.

– Ну, ладно, шустрый, завтра в восемь на причале. Пока.

– А где мне переночевать?

– Иди в соседнюю палатку. Там одно место свободное.

Наутро легкий завтрак, шесть шлюпок – на воду, и обдуваемые легким ветерком путешественники двинулись в путь от турбазы вдоль правого берега. На каждой шлюпке четверо гребцов, еще двое на носовой части и двое на корме – смена. На передней шлюпке – инструктор Игорь. На последней – зам. ком. по мор. де – это я. На моей шлюпке одни ребята, И все крепкие, готовые к спасательным мероприятиям.

Три часа работы, час отдыха на берегу, еще два часа работы, и к берегу – ставить палатки. Коллектив первой шлюпки готовит обед. После обеда свободное время до девятнадцати в свободном пространстве в пределах двух километров от стоянки.

Я смотрю: Игорь о чем-то разговаривает с Вале́й. Та смущена, но соглашается. Садятся в шлюпку и уезжают. Через два часа возвращаются. Валя разруганная, какая-то умиротворенная. Будто счастье растеклось по ее прекрасному телу. Она уходит в походную палатку.

Я удивлен: «Вот это специалист! Прямо на взлете подстрелил тетерку из биофака!»

Вечером после ужина собрались вокруг костра. Пели песни. Игорь сидел рядом с Вале́й, обхватив правой рукой ее талию, положив ладонь на ее бедро.

«Вот тут и разберись! Правду я сказал тогда девчонкам на танцплощадке или нет? По моему, нет. Когда их пугаешь, они разлетаются, как стая голубей. Когда уговариваешь – соглашаются».

Мужик в тельняшке

В те далекие студенческие времена главной праздничной задачей было найти свободную квартиру, где можно было бы, забыв глубокомысленное наукообразие многочисленных, вкочлачиваемых нам учебных истин, прогнуться тройным интегралом, не опасаясь того, а что же о тебе за это подумают, а то и врезать полноценной дозой, так, чтобы очки, независимо от диоптрий, начали косить у одного к носу, а у другого в стороны – к ушам.

Однажды энергичными студентами была найдена квартира для проведения праздника Первого Мая. Хозяйкой квартиры оказалась одна веселая женщина, жена матроса речного флота – вечно пьяного мужика. В один из весенних дней мужик врезал поутру поллитровкой по нутру, увидел на реке баржу, а на ней широкая корма... шевелится. Запрыгнул мужик на нее, да и пропал... там. Неделя – нет, другая – нет, мужика нет, писем нет, а тут праздник на носу. Вот хозяйка и поддалась на уговоры молодых соблазнительей, у которых

*«Вонзались кльки, как стальные клинки,
В редко встречавшиеся шашлыки».*

Сначала, как всегда, тосты, речи, звон рюмок, потом – стаканов. Короткие шутки, хохот и, наконец, нарастающий непрерывный гул.

Проходит время энергичных возлияний. И вот уже одному НАДО..., а он не может встать. Двое друзей помогают болезному весельчаку. Тот, приняв неустойчивое положение, устремляется в шкаф... с верхней одеждой.

– Парас... тите, р... решите. Разре... шите.

Шкаф трясется.

– Чего уперся! Дай пр... р... йти! Нарядились тут. Лето вокруг, а вы в шубах. Во, народ! Да откуда вас столько?

Из шкафа раздаются глухие удары. Это весельчак уперся в заднюю стенку и стучит в нее головой. Друзья извлекают его из объятий зимней одежды.

– Ты чего в шкаф лезешь, дурень? – и выводят к туалету.

Там он долго, что-то, где-то безуспешно ищет. Но штаны сдвинулись по фазе на девяносто градусов, и он вместо известной прорези сосредоточенно шевыряется в широком кармане. Там пусто.

– Нету. Пропал гад. Вечно попадает куда-нибудь не туда, – бормочет весельчак, – а чем же теперь в туалет ходить?

Один из сопровождающих пытается помочь весельчаку. Не получилось. Пусто. Тогда он дает команду второму:

– Иди на кухню, тащи огурец.

Второй выбежал и через полминуты явился с большим зеленым огурцом.

– Во, какой! В пупырышках!

Они вручают огурец в руки весельчаку, и через несколько секунд блаженная улыбка распространяется по лицу страдальца.

– Готов? – спросил сопровождающий, – а теперь на воздух, проветриваться.

И повел его к выходной двери.

– Тут опять шкаф, – бормочет весельчак, – вон, смотри, тельняшка висит... а в ней мужик.

Действительно, в дверях стоял усатый мужик в тельняшке в состоянии высшей степени кондиции.

– Вам кого, мужики? – произносит сосредоточенно трезвеющий весельчак.

- Я не мужики. Я мужик, понял, очкарик?
- Понял. А чего вам... всем надо?
- Мне бабу мою.
- Тебе бы... ба... бу? – попытался уяснить очкарик.
- Да.
- Ба... бу... бы? – снова уточнил очкарик.
- Это квартира два? – усомнился усатый.
- Два, – ответил очкарик, – а может, три или четыре.
- Ты че делаешь тут? – вдруг осенило догадкой усатого, – я тебя сейчас раздавлю, как клопа!

А... а! Тут еще двое... Ну, очкарики, держись!

За столом услышали какой-то шум в прихожей, возню. В комнату влетели разбитые очки и лоскут тельняшки, раздался глухой удар на улице: прыг, бряк, брык, крик, как будто кто-то выронил мешок с отрубями, и в комнату вошел один из сопровождавших с фингалом под глазом.

– Ничего, не волнуйтесь. Тут какой-то мужик в тельняшке пытался прорваться, мы его в окно выкинули. Этаж-то первый.

- В тельняшке? – испуганно спросила хозяйка.
- Да... был.
- С усами?
- Когда влетел, был с усами. Когда вылетал – не знаю.
- Господи! Так это ж мой му... у... ж!

И хозяйка пулей вылетела на улицу.

Публика медленно трезвела.

Бочка ассенизатора

В начале пятидесятых цивилизованные удобства еще не проникли в быт каждого нашего человека, и часто можно было видеть вереницу лошадей, запряженных в телеги, на которых были укреплены большие бочки, вроде сегодняшних квасных. Только тогда эти бочки были не металлические, а деревянные, и наполнены они были не квасом, а тем, что почти так же булькало, но распространяло вокруг удушающий запах. На каждой бочке сидел ассенизатор, вооруженный орудием труда – большим черпаком с длинной ручкой. После того, как по улице проезжала процессия таких ассенизаторских телег, на улице долго еще сохранялся устойчивый запах, по вине которого улица надолго пустела. Пешеходы норовили пройти означенный участок пути по параллельной улице, и только случайный мотоциклист, вдруг, попадал в сферу этого амбре, да и тот торопился свернуть в ближайший переулок. Следует отметить, что мотоцикл, в отличие от велосипеда, был в то время роскошью и доступен он был только настырным молодым людям, поставившим себе целью жизни приобрести этого быстрого коня.

Таким любителем быстрой езды был друг моего товарища Германа Ермакова, Борис. Так вот, этот Борис пришел к Герману однажды с перевязанной головой и в свежестырированных рубашке и штанах. Оказывается, вдоль по улице Краснофлотской передвигалась процессия ассенизаторских бочек. Как только эта процессия завершила за угол, на улицу Добролюбова, из-за ближайшего угла вылетел на мотоцикле Борис, пролетел по насыщенному запахами участку улицы Краснофлотской, вращая головой в поисках источника амбре. А зря вращал, потому что, когда он завернул на улицу Добролюбова, демонстрируя скоростные качества мотоцикла, то «и... эх!», долбанул одним из своих тупых предметов – головой – в дно последней, душистой бочки. Дно вылетело. Он мог бы, конечно, занырнуть в бочку, но ему повезло, скорость была не та, его просто окатило с головы до ног. Говорят, что удар сзади был настолько сильным, что возница успел только охнуть, как его вынесло с бочки на круп лошади, а черпак с длинной ручкой повертелся, повертелся без хозяина, да и наделся незадачливому мотоциклисту на голову. Но ведь это говорят. А ведь мало ли что у нас, бывает, говорят.

Когда результаты столкновения были уже забыты, бинты с головы Бориса сняты, от него все еще долго, долго пахивало.

Шутники

Мой университетский товарищ Алька Румянцев жил на улице Фигнер, папа и мама у него были парикмахерами. Основной доход в этом семействе получался от работы на дому. Алькин отец был классным парикмахером, и к нему по секретной очереди приходили делать укладку женщины из небедных семей. Вопрос денег обсуждался в семье часто и старушка-домработница, выписанная из деревни, считала деньги большущим счастьем. Зная этот пунктик, Алька часто разыгрывал ее. Просил он и меня:

– Иди, – говорит, – постучись. И когда она спросит: «Кто там?», скажи: «За свет!»

– Ну и что?

– А то, что она сразу в обморок упадет.

Отец у Альки тоже был из шутников. Рискованный очень. На его свадьбе слева сидела жена, а справа любовница-неудачница. Все веселились. Отец был начеку, поскольку в любой момент ему на голову мог быть надет праздничный торт. Сам шутил и шутки друзей воспринимал спокойно. Однажды старинный друг Алькиного отца, их сосед, всю жизнь влюбленный в его жену, принес в подарок огромный деревянный могильный крест.

– Это, – говорит, – тебе. Надеюсь хоть в старости, после твоей смерти, ревновать перестану.

– Ну жди, жди, – отвечал отец Альки, – бутылку-то хоть принес?

И вот время ожидания кончилось. Сосед скончался и перестал ревновать, а на его могиле установлен им же когда-то подаренный крест.

– Кто с крестом к нам придет, – шутил Алькин отец, – тот под этим крестом и да упокоится.

Вот это одуванчик!

У меня был, есть и, надеюсь, еще долго будет мой хороший товарищ Герман по прозвищу Рыжий Сэйк. Сэйк, потому что он один из трех тезок («нэйм сэйк» по-английски – «тезка»), которые, как три мушкетера, фланировали в студенческие времена по улице имени Свердлова, привлекая внимание прохожих, включая иногда и милиционеров. Отличались они цветом. Этот был серым, но называть так своего друга было неудобно, поэтому и прозвали его рыжим. На этот счет я когда-то написал оду этим мушкетерам, которая начиналась так:

*Три мушкетера на свете живут,
Трех мушкетеров Нэйм Сэйки зовут,
Двое из них – белый и черный,
А третий рыжий, поскольку цвет спорный.*

Я был их товарищем, но встречи наши не были частыми, поскольку я был обременен множеством других занятий: спорт, сцена и так далее. Так вот, Рыжий Сэйк жил в то время в цокольном этаже на улице Добролюбова. Недалеко, на улице Гоголя жила моя подруга Иришка, а через пару кварталов, в непосредственной близости от больницы для работников водного транспорта, жила юная, как цветочек, семнадцатилетняя десятиклассница Танечка. Это юное, порхающее создание было к тому же еще и романтическое, и вряд ли у кого рука поднялась бы, чтобы обидеть это существо, нарушить светлое восприятие жизни восторженной Танечки. А вот у Рыжего Сэйка, по-видимому, поднялась, и не только рука. Нарушил, значит. Судя по событиям, развернувшимся на этом пяточке города Горького, Рыжий Сэйк соблазнился-таки цветочком и сорвал его. Я этого не знал тогда, да и сейчас не уверен: сорвал или не сорвал?

Только однажды к моей жилетке прильнуло это воздушное создание, этот одуванчик. Не знаю уж почему, только мою жилетку уже не первый раз мусолила какая-нибудь представительница слабого пола, жалуясь на судьбу. В данном случае последовало признание в пламенной любви к... Рыжему. Я, как мог, выражал ей соболезнование, не понимая, что, собственно, от меня хотят.

– Танечка, успокойся, так в чем дело-то? Любовь – чувство высокое, она возвышает... понимаешь ли – я даже хотел сказать, что от любви более того – дети рождаются, но воздержался – люби на здоровье. Я-то тут причем?

– Паша, миленький, мне кажется, что он меня не любит.

Я понимал, что неразделенная любовь – это сильная сердечная рана. Ее минуют только те толстокожие, которым недоступно это волшебное чувство – любовь, да те немногие, которые с первого предъявления находят свои половинки и перестают волноваться на этот счет. Я чувствовал, что Танечке явно не повезет.

– Так чем же я могу помочь тебе, Танечка?

– Мне нужно только одно: знать, как он ко мне относится. Спроси у него.

– А почему ты сама его об этом не спросишь?

– Это выше моих сил, Паша.

– Ну, хорошо, хорошо, я спрошу...

– Только я буду рядом,... где-нибудь,... я хочу сама услышать. Понимаешь?

– Понимаю, понимаю. Но это похоже на какую-то хирургическую операцию. А я не хирург. И, кроме того, то, что он мне ответит, может оказаться неправдой. Знаешь, мы друг перед другом иногда выпендриваемся. И я своей хирургической операцией извлеку и выброшу здоровый феномен под названием «ваша любовь».

– Нет, нет, не выбросишь! Даже, если он начнет, как ты говоришь, выпендриваться, я все равно пойму. Паша, помоги мне. Здесь нет ничего плохого. Прошу тебя. Прошу!

И я сдался. Предателем я себя не чувствовал. Более того, я помогал Рыжему побыстрее разобраться с амурными делами, если он в них начал запутываться.

– Ладно, пошли прямо сейчас.

Я зашел к Сэйку, договорился с ним пройтись по Свердловке, и мы вышли из полуподвала его квартиры во двор. Перед дверью со двора на улицу спряталась Танечка. Я остановил Сэйка.

– Слушай, Сэйк. А как ты к Танечке относишься?

Сэйк остановился, подошел к углу двора, встал спиной ко мне, и у него под ногами заурчало. Туалет в квартире был неисправен. Я покраснел. Первое непредвиденное обстоятельство состоялось.

– Как, как! Она ведь прямо как вулкан!

– Как вулкан, говоришь? Что, фонтанирует эмоциями, что ли? Значит, влюбилась.

– А мне это зачем? Хоть бы кто ей занялся. Она же на мою психику давит.

Я не знал такого жесткого отношения Сэйка к Тане и почувствовал, что дальше разговаривать бессмысленно.

– Ну, ладно, ладно бухтеть.

– Что ладно, что ладно! Я не знаю, куда от нее деваться.

– Все, все, Сэйк. Остальное потом.

Когда мы вышли на улицу, Танечки там уже не было – пропала. Мы пошли к улице Свердлова.

– Ты вот что, Сэйк. Ты скажи ей, успокой ее, чтобы не переживала. Самое тяжелое в ее положении – это неясность, подозрения, мучительное желание понять, что же происходит. Понимаешь?

– Скажи, скажи. Да она мне всю морду исцарапает.

– Вот когда разгорится костер сомнений, тогда да – исцарапает, а сейчас пока есть еще время затушить. Понял?

Мы уже подходили к улице Свердлова.

– Да понял, понял я.

Вдруг рядом с нами неожиданно, так же, как пропала, возникла Танечка. Она твердой походкой подошла к ничего не понимавшему Сэйку. Я сморщился от предчувствия. Раздался громкий, на всю улицу шлепок. Это Танечка, собрав воедино всю энергию своего хрупкого тела, вмазала Сэйку хорошую, запоминающуюся оплеуху.

– Спасибо за науку, – сказала Танечка Сэйку и такой же твердой походкой пошла прочь.

«Вот это одуванчик! – подумал я. – А я-то представлял ее беспомощной порхающей бабочкой. А это оказалась настоящая женщина. Молоде... ец!»

– Ну, как, Сэйк, доволен? Полегчало?

Я ухмыльнулся. Сэйк посмотрел на меня внимательно, с подозрением.

– Хоть ты и гад, Пашка, но я доволен, – Сэйк потер покрасневшую щеку, – и запомни, я тебе должен.

– Хорошо, хорошо, Сэйк, – я инстинктивно отклонился, – только не сейчас. Потом когда-нибудь отдашь. Ладно?

До сих пор не отдал. Жадный.

Гранат

Это было шестьдесят семь лет тому назад в городе Сочи. Мужики ходили по курортным местам в белых брюках. На юге я оказался впервые. И тоже в белых брюках. Однажды я уехал из Сочи в сторону Адлера, и пора было возвращаться. На автобусной остановке я увидел лоток с фруктами и решил впервые в жизни купить крупный красный фрукт, который называется гранат. Купил гранат средней величины, сунул его в карман брюк и вошел в автобус. По привычке встал в тамбуре у окна. Скушать предстояло минут сорок.

Через несколько остановок в автобус ринулась большая толпа людей. Торопились в театр, расположенный в парке за несколько остановок до Сочи. Мужчины, естественно, все в белых брюках. Набились до отказа. Какой-то здоровый дядя придавил меня широкой спиной к стенке. Я почувствовал сильную боль в правой ноге, где лежал гранат. Толстый дядя придавил меня не менее толстым задом. Мои попытки высвободить руку и вытащить гранат были тщетны. Любое движение было невозможно. Оставалось только терпеть. И я терпел. И вот, наконец, она – спасительная остановка. Толпа схлынула. Автобус опустел. Мученья кончились. Я свободно вздохнул и сунул руку в карман. Гранат был раздавлен. На правой штанине моих белых брюк образовалось огромное красное пятно. Я посмотрел в окно и расхохотался. Толстый дядя нагнулся к цветочнице и покупал цветы. Сзади на его белых брюках прямо по центру сияло большое красное пятно. Автобус тоже содрогнулся от хохота. Захохотала и публика, стоявшая рядом с дядей. Дядя окинул окружающих презрительным взглядом и побежал к театру, к своей даме, чтобы вручить ей цветы и профланировать в театр.

Дядя бежал, и крупное красное пятно на белом фоне отглаженных брюк неотступно следовало за ним. Вместе с ним распространялась волна хохота, сопровождающая его до театра. Я представил себе, как дядя галантно будет говорить комплименты своей даме, а потом под хохот окружающих снимет штаны и, если он догадливый, то эти сорок минут автобусного пробега будет изображать толстопузого спортсмена, бегущего обратно в сторону Адлера.

Врешь! Не умрешь!

Сейчас рядом с макаронной фабрикой расположены напротив друг друга два образовательно-воспитательных государственных учреждения. С одной стороны по проспекту Гагарина – тюрьма, с другой – Нижегородский госуниверситет им. Н. И. Лобачевского. В те далекие пятидесятые (прошлого столетия, да и тысячелетия) университета еще не было. Был пустырь. Воспитание ограничивалось тюрьмой. Университет располагался в центре города, на улице Свердлова, а вот общежитие Горьковского госуниверситета было, да и сейчас, наверное, еще имеет место быть там, где оно и было. На переднем плане перед макаронной фабрикой пятиэтажный жилой дом для работников фабрики, где я и жил с 1941 по 1962 годы. Сначала в сторону центра города по Арзамасскому шоссе (ныне проспект Гагарина) макаронная фабрика, потом тюрьма, за ней завод «Гидромаш» оборонного значения, а за ним и общежитие Горьковского госуниверситета. Вдоль всего этого комплекса ходил трамвай от площади Лядова до Мызы. В промежутке между тюрьмой и общежитием, перед заводом «Гидромаш», была расположена огромная свалка металлоотходов. По-видимому, на заводе был уже тогда свой металлургический цех по переработке металлолома.

Я, будучи студентом Горьковского госуниверситета, часто бывал в общежитии у своих товарищей. Поздно вечером я в легком спортивном костюмчике вышел из общежития и легкой трусцой побежал вдоль по трамвайной линии. Была еще пока ранняя осень. Вокруг темнотища. Бежать две остановки. Оглянулся – светит фара. Идет трамвай. Я увеличил скорость, чтобы успеть добежать до остановки у тюрьмы, сесть в трамвай и еще остановку до макаронной фабрики доехать трамваем. Впереди на рельсах кто-то лежит. Подбежал. На рельсах – мужик. Живой. Надо срочно оттащить. Стал стаскивать его с рельсов – упирается. Еле стащил. Мужик вдруг вскочил и двинул мне в челюсть. Я перелетел через рельсы, по которым к нам приближался трамвай, и упал в кювет. Трамвай уже близко. Я вскочил, перепрыгнул через рельсы и всей массой на полной скорости вписался в мужика. Вес у меня был небольшой, порядка шестидесяти килограммов, но тренирован я был неплохо, и утомить меня физической нагрузкой было трудно. Мы вместе перелетели пару рельсов встречного трамвая, улетели в металлическую грудку отходов и стали дубасить друг друга. Трамвай прошел. Мы отдышались. Вдруг мужик вскочил и бросился к рельсам. К моему ужасу, по ним шел встречный трамвай. Я бросился за мужиком и, когда он выскочил на рельсы, сильно пихнул его сзади, так, что он перелетел ту пару рельсов, по которой только что прошел трамвай. Мужик приземлился в том кювете, в котором минуту тому назад был я. Я прыгнул на него и мы начали кататься по земле. Встречный трамвай тоже прошел. Мы встали. Мужик пошел через рельсы к свалке. Я шел за ним. Он вдруг обернулся и прижал меня к столбу, ухватившись за крепления столба. Он был явно сильнее меня. Мне показалось, что я, чего доброго, не вырвусь.

– Слушай, мужик. Ты что, ничего не понял? Пока я рядом, ты не умрешь. Я тебе даю шанс подумать еще раз. Ясно?

Трамваев ни в ту, ни в другую сторону не было. Соревноваться в силе и ловкости было бессмысленно. Мужик это понял, отпустил меня и, как мальчишка, побежал от меня на свалку. Я бежал рядом с ним. Мужик устал, сел на железяку и посмотрел на меня. В его взгляде мне показались безнадежность и мольба.

Недалеке виднелась будка. Я удивился: свалка свалкой, а сторож есть. Из будки вышла женщина в стеганке. Я позвал ее.

– Телефон есть?

– А зачем тебе телефон. Я этого мужчину знаю. Он вон в том поселке живет.

Действительно, за свалкой просматривался поселок барачного типа.

– Он из семьи этих... – и она назвала фамилию и ориентировочно объяснила, где его барак.

Я посмотрел на мужика.

– Ну что, дядя? Я тебе уже сказал, что пока я рядом, ты будешь жить. Давай не будем терять время. Идем домой. Там еще раз подумаешь, стоит ли умирать. Я бы не стал. Какова бы ни была эта проклятая жизнь, она сама по себе все-таки и есть счастье того, кому когда-то повезло родиться.

И мы пошли.

Я постучал в дверь барака. Дверь открылась. Я был ошарашен увиденным. Комната метров пятнадцать. Из каждого угла на меня смотрит по несколько пар глаз. Здесь были три поколения. Бабушка, отец с матерью, по-видимому, чья-то сестра и куча детей. Мужик молча занял место в одном из углов. Все смотрели на меня, и никто ничего не спрашивал. Все молчали. Кажется, всем было все ясно. Какая-то безысходность исходила от каждого из этих людей. Даже дети смотрели не по-детски серьезно. Со стороны все выглядело так, как будто в бомжатник вошел руководитель ЖЭКа в сопровождении милиционера. Я попросил молодого мужчину выйти и рассказал ему вкратце суть происшедшего. Тот развел руками и как-то неопределенно сказал:

– Спасибо вам, конечно. Но что мы можем поделать.

Я повернулся и ушел.

Прошло какое-то время. Может быть, год. Я был на танцплощадке Дома офицеров. Познакомился там с одной девчонкой – студенткой пединститута. Выяснилось, что живем почти рядом. Я пошел ее провожать. Подошли к этому самому поселку барачного типа.

– Ну, вот я и пришла. Спасибо.

– Слушай. Я этот поселок знаю. Тут один старик вон из того барака пытался с жизнью покончить.

Мне стало как-то не по себе. Теперь про этого мужика сплетни пойдут. Ну что поделаешь, слово не воробей, вылетело, не поймаешь. И я попытался исправить положение:

– Мне пришлось его переубедить.

– Ничего у тебя не получилось. Старик-то умер. Повесился.

Я шел домой и думал: «Значит, ему очень надо было умереть. И спасал я его, выходит, зря. Впрочем, нет. Просто не подвернулся еще один, который бы его из петли вытащил, а потом, может быть, и обошлось бы. Да и водителя того трамвая я наверняка спас от тюрьмы. Попробуй, докажи, что мужик сам под трамвай полез. Свидетелей-то нет. Ну, а если я свидетель? Еще лучше! Тогда точно из свидетеля загремел бы в единственного обвиняемого. А мужика жалко. Не нашлось человека, который бы мог понять его, помочь ему и остановить. Да не физически остановить, а по-настоящему».

Чувство вины не однажды посещало меня потом, когда умирали мои друзья и родные, а я по многочисленным причинам не успевал помочь им, опаздывал. И теперь я готов провозгласить главный лозунг человека: «Люди, берегите друг друга!»

Разойдись!

Было это в начале пятидесятых. В общежитии Горьковского госуниверситета, недалеко от площади Лядова у меня был очень хороший товарищ. Толя Барышников. Приехал учиться из Хабаровска. Ритм жизни в общежитии, конечно, сильно отличался от моей домашней обстановки. Там, в общежитии, мне нравилось больше, чем дома, и я бы, пожалуй, с удовольствием поменял свое теплое, домашнее житие на эту бурную, полную событиями жизнь в большом студенческом коллективе. Поэтому я часто пропадал там вечерами, а иногда и участвовал в праздничных церемониях по распитию живительной влаги. Много не пил – так, по чуть-чуть. А событий в этой большой студенческой компании было действительно много.

Один парень со второго этажа, на один курс старше нас, был особенно заводной. Когда приобретал определенную градусную кондицию, он вдруг вскакивал из-за стола и кричал: «Разойдись!» Все знали эту его привычку. Знали также бесполезность попыток удержать его. Расходились и в очередной раз смотрели, как он разбежался и прыгал в открытое окно рыбой. У непосвященного человека эта процедура вызывала высшей степени очумение. Выход из заторможенного оцепенения наступал не сразу. А циркач переворачивался в воздухе и приземлялся в цветочную клумбу. Что это было? То ли сюрприз для новичков, то ли сдвиг по фазе в кумполе спецвычислителя циркача. Ребята говорили – второе.

Мне рассказывали, что в этот раз ребята сначала принимали гостей, а потом ходили по общежитию и везде прикладывались, поздравляя друг друга с праздником. Продолжалось это хождение довольно долго. Уже зазвучала музыка. В коридоре начинались танцы. Вдруг раздался привычный возглас: «Разойдись!» Все послушно разошлись по сторонам. Он разбежался и выпрыгнул в окно. Первым очухался хозяин комнаты:

– Ребята, а ведь мы на четвертом этаже!

Выбежали на улицу. Шутник торчал в клумбе. По-видимому, глубже обычного. И разница была в том, что он приземлился не на две ноги, а на четыре лапы. Жив, здоров. Растяжение жил, где-то порвал связку и все. А если бы еще четверть оборота? Торчал бы вверх ногами. Вот и не верь после этого, что пьяному везет.

Не трогать, это мое

В былые студенческие времена я часто задерживался на какой-нибудь танцплощадке, чаще всего в доме офицеров, а потом пешком топал к себе домой к макаронной фабрике. Трамваи поздним вечером начинали ходить редко или вообще не ходили. Вдоль Арзамасского шоссе, рядом с которым ходил трамвай, напротив завода «Гидромаш» был пустырь, который начинался от завода и кончался клубом Тобольских казарм. Вот по этому пустырю я и топал однажды темной ночью. Вдруг справа, там, где сейчас Нижегородский университет имени Н. И. Лобачевского, я услышал какое-то кряхтенье и бормотанье. Тихонько подкрался. Смотрю, мужик топчется у большой ямы и пытается вытащить другого мужика из этой ямы, но безуспешно, потому что скользко, и оба пьяные. Мужик, который в яме, добирается до ее края, а потом снова и снова сползает в нее. Присмотревшись, я узнал того, кто был наверху и безуспешно пытался вытащить друга. Это был Ян Давкшо, мой товарищ по драмкружку художественной самодеятельности в доме медработников. Руководил этим кружком народный артист УССР Таршин Алексей Михайлович, а Ян Давкшо был одним из ведущих артистов. Я подошел ближе.

– Бип! Бип! Скорая помощь пришла.

Ян ошалело посмотрел на меня.

– Пашка, привет! Спасай, давай.

– А кто там булькает?

– Да наш Валерка Ершов.

– Валерка?! Во, встреча!

Валерка, студент автомобильного факультета ГПИ, тоже был одним из ведущих наших артистов. Пройдет время, и в 1966 году, вместе с родственником Яна Давкшо Карпеем, он будет одним из ведущих исполнителей в группе победителей Всесоюзного КВН.

Мы вдвоем, наконец, вытащили чумазого Валерку из ямы. Надо было определяться с ночлегом.

– Чего это его так развезло?

– Да перед самым нашим уходом из ресторана его подозвала какая-то барышня, налила полный фужер водки и сказала: «Эй, студенты, слабо выпить залпом?» Он и вылопал.

– А ты?

– А я не успел и хлебало разинуть. Да все равно бы не смог. А ему все равно. Он уже и так не ориентировался.

– А здесь-то почему оказались? – спросил я.

– А здесь, это где?

– Ну, ты хотя бы помнишь, куда вы шли?

– Я помню только, что мы шли, а куда? Спроси что-нибудь полегче.

– Ладно, потащим его ко мне. Я тут рядом живу.

И мы его потащили в нашу квартиру, на пятый этаж дома макаронной фабрики. Квартира была большая, пятикомнатная, и в каждой комнате по семье. Поэтому ванная в этой квартире употреблялась в лучшем случае для хранения овощей. Мы втащили Валерку в ванную комнату, постелили какую-то рогожу и уложили его спать прямо в ванной. Похож Валерка был на глиняное чучело. Поэтому перед тем, как уложить его в апартаментах, мы решили просветлить ему хотя бы лик под краном.

– Плюется, стервец, – пробурчал Ян, – ой! и кусается.

– Ладно, – сказал я, – сам умоется... утром.

Поскольку любознательные соседи могли заглянуть поутру в ванную комнату («Эх, кто это там храпит?»), увидеть незнакомое чучело и поднять визг, если это женщина, или много-

значительную ругань, если это мужчина, то я и повесил на двери в ванную записочку: «Не трогать. Это мое. Пашка».

Утром Валера проснулся, увидел, что его упрятали в камеру КПЗ с маленьким окошечком наверху, и решил, что это надолго.

Я очень люблю, когда человек рядом со мной чему-нибудь радуется, а лучше, если хохочет. Валера так возрадовался, увидев меня, будто я спас его от неминуемого вознаграждения за многочисленные грехи. Его взгляд из-под грязных век, обращенный ко мне, был настолько радостным, что мне стало как-то неудобно перед Создателем. Я встал в позу проповедника и произнес:

– Возблагодари Всевышнего, Валера, что он привел меня ночью к этой яме. А то барахтаться бы тебе в грязи до утра. А теперь умываться. Вон рожа грязная какая.

– Аминь, – сказал Валера и вылез из ванной.

Летние каникулы и серьезные испытания

Летом 1953 года мы, теперь уже студенты третьего курса радиофизического факультета Горьковского госуниверситета вчетвером разговаривали в профкоме на предмет трудоустройства во время летних каникул. Трое моих товарищей: Лева Гостищев, Витя Чирков и Алька Румянцев получили направление в какой-то пионерский лагерь работать вожатыми, а мне посчастливилось получить путевку в санаторий куда-то в Карелию, под город Выборг, рядом с границей с Финляндией. Манна небесная свалилась на меня случайно, так как путевка была горящая и пропадала. Оставалось два дня до начала срока путевки, а оформление бумаг по допуску в этот район должно было занимать время не меньшее, чем весь срок путевки. Мне невероятно повезло. Как раз в это время был открыт свободный доступ в этот район всем желающим, и мне только оставалось получить курортную карту и добраться до санатория. Врач, уяснив ситуацию, что-то написала на этой самой карте, а комиссия во главе с Главным врачом поликлиники ухоталась, прочитав написанное.

– Вы знаете, что у вас общий невроз? – спросила председатель комиссии.

– Знаю, – ответил я и попытался изобразить тик под левым глазом. Получилось так, что я ей подмигиваю.

– Ну, ладно, поезжайте.

В санатории было много интересного, что достойно было бы отдельного описания. Но сейчас я ограничусь только одним-двумя событиями.

Однажды руководством санатория была предпринята попытка организации культурно-познавательного мероприятия. Договорились организовать встречу с пограничниками на заставе. Наш автобус, набитый до отказа отдыхающими с сумками, набитыми тоже до отказа всякими закусками и выпивкой, приехал к месту назначения, а пограничников там нет. От встречи с нами их отвлекло более серьезное мероприятие. «Будем ждать» решило наше руководство. «Можно погулять, но далеко не уходить. Это все-таки граница».

Мы – Игорь – молодой лейтенант морской службы из Ленинграда с только что познакомившейся с ним Лидой, молодая девушка Роза из Куйбышева и я – взяли упомянутую сумку и двинули в лес. Неожиданно набрали на полуразрушенный небольшой бункер, на стенах которого были написаны и выскоблены короткие фразы, смысл которых не оставлял сомнений в том, что здесь происходили ожесточенные бои. Здесь были и фамилии погибающих, и воинственные лозунги типа «Стоим до конца», «Не сдаемся». К сожалению, память не сохранила точных текстов этих надписей. Сохранила только смысл. Увлеченные своим открытием, мы уходили все дальше в поисках сохранившихся землянок и бункеров. Наконец, кто-то подал мысль о том, что тяжелую сумку пора бы и облегчить. Расположились на поляне и стали облегчать. Известно, что за подобными занятиями время летит незаметно. Незаметно оно пролетело и для нас.

Веселье было прервано группой вооруженных автоматами военных. Из шумных восклицаний солдат и собак я отчетливо понял только одно: «Ав! Ав! Ав!» От неожиданности я даже подумал: «А не на финской ли мы территории?», но когда расслышал русскую речь, спокойно, как и все остальные, дал себя арестовать.

Когда все гости пограничной заставы были быстро и профессионально отловлены, нас быстренько, в соответствии с последним пунктом программы познавательной встречи выпроводили на автобусе восвояси от греха подальше.

Хочется отметить еще один интересный факт нашего пребывания в санатории. Мы вчетвером сдружились и почти все свободное время проводили вместе. Но были и моменты, когда наши пары теряли друг друга. Инициаторами этих разлук, как правило, были Игорь со своей подругой. В один из таких моментов, оказавшись вдвоем, мы с Розой пошли изучать окрест-

ности, забрались на какой-то лесистый склон и присели на сваленное дерево. Рядом пенек. Я взял Розу за руку. Она вздрогнула. Наверное, она приготовилась к развитию наших отношений. Вдруг мне показалось, что на пеньке кто-то сидит и внимательно смотрит на нас. Я тряхнул головой, моргнул и понял, что показалось. Я посмотрел на Розу. В ее расширенных глазах я увидел страх.

– В чем дело, Роза?

– Там кто-то был.

Вот тогда и у меня слегка зашевелилась шевелюра.

– Показалось, – успокоил я ее.

Мы встали и пошли в санаторий. О развитии отношений оба как-то сразу забыли.

По окончании срока санаторного пребывания, мы сговорились продолжить наши встречи в Ленинграде. Роза остановилась у своей родственницы. Меня пригласил к себе Игорь. Я провёл у Игоря несколько дней. Мне было очень неловко. Я впервые попал в шикарно обставленную огромную квартиру, в которой проживала цивилизованная семья, возглавляемая то ли главным архитектором Ленинграда, то ли его заместителем. Утром все садятся за большой стол, и начинается процедура завтрака с ножами и вилками разной величины, бокалами, тарелками и тарелочками. Я такое раньше видел только в кино. Мне казалось, что я выгляжу за этим столом как, например, сейчас выглядит бомж за столом в нормальной семье среднего англичанина. И только после такой официальной процедуры я, наконец, попадал на некоторое время в помещение молодой четы, а там очень приятная молодая и красивая женщина – жена Игоря – забыв об этикете, по-мальчишески крепко трясла меня за плечи и требовала:

– Ну, рассказывай! Что это за женщина была с Игорем? Как зовут? Где живет? Ну!

Естественно, что я держался как партизан, рассказывая, что мы все время играли в волейбол и купались в холодном озере.

– А это кто? – и она показывала мне фотографию, где мы вчетвером стоим в обнимку, улыбаясь широченными улыбками.

– Это? Это так... эпизод.

– Эпизод? Ну-ка, расскажи мне, какие там еще эпизоды были!

Впрочем, говорила она все это беззлобно, улыбаясь, будто заведомо зная все и про все эпизоды.

В общем, я исчезал от этого семейства с удовольствием, и весь день болтался по Ленинграду с Розой. Денег у меня оставалось только-только добраться до Горького, и держал я их в грудном кармане пиджака с левой стороны. В Ленинграде, как, впрочем, и во всей стране, было очень криминальное время. Хулиганья и мелкого бандитизма было достаточно.

Однажды мы с Розой шли по улице к набережной Невы. Народу на улице никого, кроме группы парней и пацанов, толпящихся на тротуаре, по которому мы шли. Я всегда легко себя чувствовал в любой ситуации, если я один. Мое главное оружие – ноги. На крайний случай – стальной сапожный нож в кармане с ручкой, в виде намотанной на металлическую пластину ножа изолированной лентой. Этого ножа я сам боялся – вдруг придется применить. Все-таки ноги лучше, если к тому же к ним приложить еще и второй разряд по ускоренному перемещению в пространстве, то есть по бегу. Но вот когда я с кем-то рядом, я почти теряюсь.

Итак, мы идем. Сзади на Розу под хохот группы запрыгнул парень. Роза взвизгнула. Я подскочил и дал парню по шее. Он соскочил с Розы и обернулся ко мне. Сзади меня обхватил какой-то бугай (я же был легкоатлет, значит – легкий) и потащил к сидящему главарю. Я смотрел в глаза главарю и готов был воспользоваться ножом в правом кармане. В глазах моих он увидел злость и бешенство вместо ожидаемого страха. Но прежде я инстинктивно сунул правую руку в левый грудной карман («вытащили деньги или нет?»). Главарь вдруг вытаращил глаза, в которых читался испуг. Он, по-видимому, подумал, что я сейчас выхвачу что-нибудь огнестрельное. Парень, который меня держал сзади, тоже почувствовал неладное, бросил меня

и отскочил. Я отряхнулся, посмотрел направо, налево и спокойно сказал первое, что взбрело в голову:

– Атас, ребята.

После этого подошел к Розе и тихо шепнул ей:

– Спокойно.

И мы, не торопясь, пошли к Неве. Когда мы завернули за угол, я почувствовал, что у меня начали чуть-чуть дрожать руки.

Время шло. Пора было возвращаться домой. Но прежде я решил посетить своих родных в Москве. Там жили братья и сестры моего отца и только одна сестра – тетя Лида – жила в Муроме, откуда и пошло рассыпавшееся по стране семейство. Когда я приехал в Москву к Антонине Григорьевне Майоровой – сестре отца – я встретил там веселую компанию родственников, собравшихся сегодня ехать в свое родовое поместье в г. Муром. Было решено взять меня с собой. Билетов, конечно, не было. Меня уложили на третьей полке плацкартного вагона, завалили сумками и чемоданами и благополучно перевезли в качестве багажа.

В Муроме – веселье. Старшие вспоминают минувшие дни, а на меня посмотрели – вон какой вырос – и забыли. У тети Лиды я познакомился с ее старшим сыном Володей. Он уже женат, двое детей. Сначала он с ними сюсюкал, потом играл и насюсюкал несколько детских книжек. Теперь – известный в Муроме детский писатель. Ну, я пристал к нему, а отставать некуда.

– Знаешь, – говорит Володя, – у нас на берегу Оки хороший парк. Там танцы. Сходил бы.

Танцы-шманцы. Я пошел. На самом обрыве одноэтажное здание летнего типа – буфет. Я зашел. Взял бутылку пива. На большее не решился. Не позволял бюджет. Смотрю, за столиком рядом с бутылкой водки сидит очень своеобразный парень. Квадратный. Метр семьдесят ростом и почти столько же в плечах.

– Разрешите, – говорю, – присесть?

– Не возражаю. Присаживайся. Ты чего пьешь? Пиво? Брось баловство, давай со мной водочки выпьем.

Выпили. Он протягивает мне руку.

– Владимир.

Я сунул свою руку, и он пожал ее своей огромной ручищей, как будто в его руке была не моя рука, а хвост Тузика.

– Паша, – ответил я, – из Горького.

– Ага. К кому приехал?

– К Лихониным, дом пять по улице Ленина.

– К Володьке, что ли?

– Да, и к нему тоже.

– Я его знаю. Хороший парень.

Угомонили мы бутылку водки, и пошли на танцы. Я ему рассказал про себя. Он – про себя. Оказалось, что этот здоровенный парень благодаря своим физическим способностям попал служить в Морфлот. Отслужив свое, вернулся на гражданку, где его взяли сначала в милицию, а потом и в КГБ. Но долго он там не задержался. Ошибочка вышла. Какому-то начальнику по кумполу съездил. Вышибли за систематическую пьянку и мордобой. Правда, как говорит, было за что по кумполу-то. Потому и не судили. Теперь работает на заводе токарем. Сегодня – в дневную смену.

На танцах народу много. Толкаются. Не развернешься. Володька толкает меня локтем:

– А ты иди, иди вон ту, во... он ту пригласи.

– А ты чего сам не пригласишь?

– Да не умею я.

Ну, я подхожу, раскланиваюсь, приглашаю. Она так хитро улыбается, как будто знает, кто меня прислал. Танцуем. Девушка хорошая, но явно не в моем вкусе. Пытаюсь что-то сформулировать посмешней, и чувствую, как чья-то твердая рука бесцеремонно берет меня за шиворот и пытается поднять. Я извиняюсь перед дамой и даю себя отвести в сторону. Там ко мне подходит какой-то мужик со шрамом поперек носа и назидательно поучает:

– Ты, шкет, к этой бабе больше не подходи, а то ходить не на чем будет.

Оскорбленный, я подошел к Вовке, рассказал.

– Не подходи больше, – сказал Вовка, – тут сейчас расплодилось много этой швали.

Происходило это в августе 1953 года. Тогда в такие мелкие городишки, как Муром, хлынула масса амнистированной нечисти.

Когда кончились танцы, я хотел выходить в толпе отдыхающих. Вовка остановил меня:

– Подожди. Последними пойдем. От этой швали всего можно ожидать.

Подождали, когда все выйдут. Идем. Вроде все в порядке. Прошли квартал, свернули за угол в переулок. Нас раз... и окружили человек пятнадцать, человек пять меня к стене какого-то дома прижали, а остальные десять вокруг него сгрудились. Стали шарить по карманам. Из левого кармана пиджака у меня вынули одиннадцать рублей. Сунули руку в правый, а там сапожный нож. Какой-то дурак стал вытаскивать. Руку поранил – нож-то как бритва. Больше ничего нет. Наручные часы и паспорт я предусмотрительно дома оставил. Общмонали. Отпустили. Вовка идет мрачный, начинает разогреваться, как старый самовар.

– Ну, они у меня за это нахлебаются.

За поворотом снова догоняют.

– Раздевайся.

Я вытаращил глаза.

– Снимай пиджак, фраер.

Сзади стенка дома, впереди двухметровый деревянный забор. Я лихорадочно соображаю. «Один взмах через забор, и я улечу. А как же Вовка? Эх!.. и пиджак жалко». Пока я сообщал, смотрю, а об этот самый забор, через который я готов был перемахнуть, летит что-то похожее на мешок с требухой, шлепается об забор и падает, как тряпка, в грязь. Оказывается – мужик. Затем второй, третий. Среди нападавших паника. Я ныряю под свое окружение и встаю рядом с вскипевшим самоваром, раздающим подарки, которые в известном анекдоте раздавали на Луне русские космонавты лунатикам. Полегло не менее тридцати процентов. Остальные разбежались, распространяя на ходу специфические запахи. Самое удивительное, что когда мы пошли дальше, и самовар начал постепенно остывать, нас догнал самый маленький из нападавших, вручил мне мои одиннадцать рублей и мой сапожный нож, с которым я раньше никогда не расставался.

На следующий день Вовка работал в вечернюю смену. Днем он водил меня по знакомым девчонкам и везде, куда бы мы ни пришли, хозяйева доставали пол-литра. Я не любил пить, тем более крепкие напитки, но приходилось.

Вечером душа моя ерзала в груди – идти или не идти? И я пошел на танцы. Один. Пошел как блудный кот, настороженно ступая по земле. Я вышел на танцплощадку. Вот они – вчерашние. У каждого по фингалу. С недоумением и уважением смотрят на меня. «Где же подвох?» А подвох простой. Просто, когда я один, я ничего не боюсь. Но танцевать все же не пошел. Можно схлопотать в бок. Пофланировал и ушел.

И начались наши дневные возлияния. Целую неделю мы с Вовкой ходили по знакомым девчонкам. Обошли, кажется, весь Муром. И везде его знали. И везде ему ставили. И везде я ему помогал. Когда неделя кончилась, дневные попойки тоже кончились. И я засобирался домой. Уезжал пароходом. На корме стоял и махал этому гостеприимному городу, этому прекрасному берегу, на котором улыбчиво махал здоровенным кулачищем Вовка. Когда меня пробила слеза, я понял, что я уже алкоголик.

Дома на меня посмотрела мама и пришла в смятение.

– Что это за санаторий такой, откуда такими зелеными возвращаются?

– Бывает, – ответил я и побежал в магазин купить за девяносто две копейки бутылку бормотухи.

Первого сентября надо было приступить к занятиям в ГГУ, и я энергично выходил из запоя изнурительными тренировками по вечерам. Надо было активно готовиться к зиме с ее первенством вузов города по конькам, всесоюзными зимними студенческими играми.

Когда я появился в городе, на всех углах обсуждалось экстраординарное событие – какие-то бандиты на лестничном спуске к улице Маяковского расстреляли милиционеров. Я побежал товарищу по университету Альке Румянцеву. Встретил меня его отец и рассказал страшную историю, будто Альку забрали как участника тяжелого преступления, и что я, если не хочу на выходе из их подъезда попасть в саботажку, должен выскочить через задний двор и больше сюда не являться. Я так и сделал. (Действительно, всех, кто приходил к ним, арестовывали, допрашивали и, как правило, после допроса отпускали).

Университет гудел, пораженный причастностью своего однокашника к страшнейшему преступлению. На лекциях я встретился с моими товарищамилевой Гостищевым и Виктором Чирковым, которые рассказали мне подробности происшедшего.

После того, как я уехал в санаторий, веселая тройка моих товарищей уехала работать в какой-то пионерский лагерь. Алька Румянцев – гармонистом, а Лева с Витькой – вожатыми. По существу это были разные парни. Алька Румянцев – спокойный, умный парень, не лишенный опыта донжуановских походов и хорошего застолья, комбинатор всех увеселительных затей. Витя Чирков – выпускник школы с золотой медалью, светлая голова, затуманенная какой-то есенинской бесшабашностью, с какой-то внутренней скрытой вулканической энергией и веселым размахом, который, вырываясь наружу после даже небольшой дозы, рушит все вокруг, не обращая внимания на чины и должности тех, кого он оскорбляет. И, наконец, Лева Гостищев – мальчик-вундеркинд, моложе всех на три года, умудрившийся закончить десятилетку в пятнадцать лет, и в этом возрасте поступить на радиофак госуниверситета. Парень, который, встретившись с девушкой, в первую очередь обращает внимание не на ножки, как это делает Витя Чирков, не на бедра и все, что за ними, как это делает Алька Румянцев, а на глаза. Как самый молодой, Лева Гостищев не был еще тронут взаимоотношениями с девушками и, тем более, женщинами. Он явно не терпел, как он говорил, «грязь» в этих вопросах и сторонился этой «грязи». Витя – тоже романтик – презирал эту «грязь», и в раздражении шлепал по ней, не разуваясь и разрушая на своем пути все, что не соответствует понятию целомудрия. Что касается Альки Румянцева, то это был стреляный воробей, который знал, что эта самая «грязь» бывает приятной, особенно когда она близко, теплая... и дышит. Различия в пристрастиях рождало различное поведение в обществе, что приводило часто к обострению отношений вплоть до неприязненных. В пьяном виде эта неприязнь вылезала наружу и приводила иногда к размахиванию «лаптями». Однажды, когда все мы за столом праздновали праздник Первое мая, ко мне подошел пьяный Витя Чирков и заявил, что он имеет особое желание набить Альке морду, что тот не возражает против этого, и что я должен быть у них секундантом. Я обратился к Альке:

– Ты че, дурак что ли? Соревнуйтесь по бегу на карачках, когда достигнете нужной кондиции. А бить морду – это же нецивилизованно.

Алька согласился, но Витя настаивал, и, в конце концов, начал угрожать мне, что если я не соглашусь, то он и мне набьет морду. Я разозлился, вывел их в какой-то захламленный барак и сказал:

– Морды готовы? Начали!

Витька сразу замахал как мельница всеми четырьмя конечностями. Алька сосредоточенно уходил от ударов. Вот он уловил момент и врезал Вите в челюсть, вложив в удар вес всего

своего тела. Витя пропал. Я долго искал его пока не нашел в мусоре. Он уже ничем не махал. Он спал. Наркоз подействовал.

Были разногласия у Альки и слевой Гостищевым. Но там о выяснение споров путем силового соревнования не могло быть и речи. Лева был высоким, тощим и слабым, на турнике висел сосиской и единственное его достоинство было в его природном интеллекте, за что его, собственно, и уважал весь курс. Так вот, по этому достоинству Алька и решил врезать Лева, предложив ему выпить с ним пол-литра водки без закуски залпом. Лева решил не ударить в грязь лицом и согласился. Они взяли в столовой одну котлету без гарнира. Откупорили бутылку водки, разлили ее в два гладких стакана по двести пятьдесят граммов в каждом и залпом выпили. Мужики, сидящие рядом, крякнули от удивления.

– Во, молодежь пошла.

А молодежь после этого пошла по домам. По дороге Леву разнесло. Он шел домой на автопилоте, по прямой, преодолевая встречающиеся новостройки. С одной из таких новостроек он спустился в свободном падении с ускорением в г. Хорошо бы только г, а то ведь кумполом треснулся – циферблатом. Пришел на следующий день весь перевязанный, как партизан после пыток.

Делал Алька попытку и меня завести какой-нибудь круговертью. Я ему сразу сказал:

– Пить не буду – спортивную форму жалко, драться тоже не буду – твою морду жалко, да и свою тоже.

– Ага, спортсмен значит? – сказал Алька, – а у тебя брюшной пресс крепкий?

– Ну, крепкий.

– А у меня крепче, – он напрягся, – бей в живот.

Я ударил.

– Ну, как? – похвалился Алька.

– Да вроде как барабан. Только звук глухой. Давай теперь ты. Можешь тупым предметом – головой.

Алька ударил кулаком. Эффект тот же, то есть никакого.

– А давай, – сказал Алька, – пресс качать. Кто дольше. Лев нас за ноги будет держать. А мы, лежа на спине, будем синхронно сгибать корпус и снова опускать. Кто раньше сдохнет, тот проиграл.

Мы начали соревнование. Лев усердно держал нас за ноги, а мы сгибали туловище, а потом снова валились на спину. После сто четырнадцатого подъема Алька дернулся и остался валяться на полу.

– Все. Больше не могу.

Я сделал еще несколько подъемов и сказал:

– Вставай, соревнователь. У тебя хорошие физические данные, но в спорте тоже голова нужна. Ты заметил, что я ложусь на спину быстрее?

– Да, заметил.

– Ну, так вот, ты тратил запас энергии дважды, сначала на то, чтобы поднять туловище, а потом, чтобы положить его на пол, а я после подъема расслаблялся и падал на пол без напряжения мышц. Вот почему ты уже сдох, а я еще почти свеженький.

Итак, как я уже сказал, Лева, Алька и Витя были разные ребята. Объединяло их чувство свободы, которую они вдыхали всеми фибрами души, часто исчезая с лекций и других учебных процессов, прижимающих к письменным столам в душных, очень душных помещениях.

Что касается меня, то у меня было несколько компаний.

Спортивная компания, в которой я под руководством заслуженного мастера спорта, экс-чемпиона СССР Летчфорда Евгения Иосифовича занимался совершенствованием своего класса бега на коньках рядом с такими известными спортсменами, как мастера спорта Чернов, Максимов, Наташи Аврова и Донченко.

Другая – компания самодеятельных артистов дома медработников, с которыми я под руководством народного артиста УССР Таршина Алексея Михайловича, как драматический артист, познавал азы управления состоянием души.

Далее компания ребят, которых я называл мушкетерами: Ермаков Герман (Портос), Жорж Деньгин (Арамис) и Герман Андреев (Атос), упорно вгрызающихся в гранит науки.

И, наконец, бесшабашная компания ребят – Лева, Алька и Виктор – с которыми можно было оттянуться в свободное время по полной программе.

Самым близким мне по духу был Лева Гостищев. Он-то и рассказал мне подробно, что произошло с ними после отъезда в пионерлагерь. Кто-то из них, по-видимому, Алька Румянцев, организовал выпивку после работы. Витя Чирков, как и следовало ожидать, нахамил лагерному начальству. Витька уволен. Алька порезал палец и, ссылаясь на то, что играть больше не может, смотался за Витькой. И только Лева Гостищев, верный комсомольскому долгу, остался до конца смены.

А в это время Алька и Витя в Горьком продолжают веселье. Кто-то видел их, как они распивали из горла бутылку, и неизвестно, к чему бы привела их эта разгульная жизнь, если бы не большое расстояние, разделявшее их жилые дома. Виктор жил в Автозаводском районе, а Алька – в центре нагорной части города.

Однажды Алька, как изобретатель увеселительных ситуаций, пригласил своего товарища Юрия Евстифеева – студента политехнического института – на танцплощадку Дома Красной Армии (ДК). Там они познакомились с соблазнительными девочками и навязались к ним назавтра в гости. К ним подошли какие-то амбалы и сообщили, что ходить туда не надо, ибо в противном случае ноги будут кривые, а если, мол, захотите этих девиц увидеть еще хоть раз, то после этого видеть будет нечем. Алька с Юркой поворочали извилинами и пошли к своему товарищу Глушкову, студенту мединститута. Тот был большой любитель собирать разные железяки. Среди этих железяк был пистолет, найденный после войны пацанами в реке Волге и приобретенный Глушковым по случаю. Пистолет оказался в рабочем состоянии. Евстафьев сунул его под ремень, и они с Алькой пошли на улицу Маяковского к соблазнительным девчонкам. Заявившись туда, любители приключений обнаружили, что теплое место занято. За столом в гостях у девчонок расположилась компания парней. Одна из девчонок быстро вывела Альку с Юркой в коридор и стала уговаривать их зайти потом, в следующий раз.

– Ну, вот что, – сказал Юрка, показывая пистолет, – иди и скажи, что если через пятнадцать минут эта шантрапа не уйдет, зайдем и всех перестреляем.

Девчонка убежала с вытаращенными глазами, а новоявленные гангстеры вышли на площадку металлической лесенки, ведущей по крутому склону правобережья Волги вверх от улицы Маяковского.

– Послушай, – сказал Алька, – а вдруг девки стукнут ментам. Спрячь пистолет куда-нибудь.

Юрка спрятал пистолет на углу площадки, и они стали ждать. В это время по лестнице поднималась веселая пьяная компания. Это были милиционеры в штатском. Три брата с женами. Евстифеев попросил у одного из мужиков закурить.

– Сопляк еще курить, – грубо ответил милиционер.

– Сам ты недоносок, – ответил Юрка.

– Ах ты, подонок, – и милиционер попер на Евстифеева.

Юрка бросился к углу площадки, выхватил пистолет и наставил на ошарашенного милиционера.

– Назад, падла, стрелять буду.

Но было поздно. Вид огнестрельного оружия для милиционеров все равно, что колышущаяся красная тряпка для разъяренного быка. Они втроем набросились на Юрку, свалили его, но по-пьянке сработали непрофессионально, пистолет остался в руках у Юрки. Задавленный

тремя телами Юрка начал стрелять. В упор. Двое сразу получили смертельные раны. Третий вскочил и побежал. Алька, чтобы освободить Юрку, начал растаскивать трупы. Юрка в горячке продолжал стрелять. Попал Альке в плечо. Потом вскочил, увидел убегающего милиционера и прицельно выстрелил в него. Тот был подстрелен, но остался жив. Из трех братьев милиционеров остался один. Две семьи остались без кормильцев.

– Бежим, – крикнул Алька.

И они бросились наутек. Дома Алька рассказал все отцу, тот побрил его наголо, чтобы труднее было узнать. Алька сел на свой мотоцикл и вон из города. Но далеко он не уехал, рана воспалилась, поднялась высокая температура, и он вынужден был вернуться. Вернулся он прямо в руки милиции, которой достаточно было нескольких часов, чтобы добраться до тех девчонок и получить ориентировочную информацию. За Алькиной квартирой тут же была организована слежка силами соответствующих органов, в руки которых чуть было не попал и я.

Слушание дела проходило в областном суде. Народу собралось огромное количество. Вся наша группа, включая меня, Леву и Витьку, сбежала с занятий по военной подготовке и заняла места в центре зала, сорвав занятия капитана Суслова. Ввели подсудимых.

– Алька, держись! – крикнул Витя и бросил в группу подсудимых шоколадку.

Этот героический поступок откликнется ему потом большими неприятностями. На суде меня поразила какая-то несерьезность. Следователи вскопали всю подноготную жизнь подсудимых. Среди них был, кстати, и Глушков, и тот парень, который когда-то продал ему этот злополучный пистолет, и одна из девиц, которая, выражая солидарность с Алькой, отказалась давать показания следователю. Прокурор излагал огромное количество фактов, характеризующих подсудимых как сформированную банду, группу отъявленных бандитов. Он сообщил, например, что кто-то когда-то слышал, как эта банда собиралась ограбить центральный банк. Евстифеев превращал такие обвинения в юмористическое шоу. По-видимому, по договоренности с ним Глушков косил под дурака.

– Да, – отвечал Глушков на вопросы прокурора, – действительно, я собирался достать телегу с лошадьёю, чтобы погрузить все, что есть в банке, на телегу.

В зале хохот, а Юрий, пытавшийся превратить подобные обвинения в абсурд, говорил:

– Граждане судьи, нельзя же строить обвинения на показаниях больного человека. Боря, скажи бэ... э.

– Бэ... э, – говорил Глушков.

В зале опять хохот.

На одно из заседаний мы слевой опоздали. Народу было так много, что мы с трудом протиснулись сквозь толпу к закрытым дверям зала суда. Я был в шляпе. Лева начал стучать в дверь.

– Откройте!

– Ребята, идите отсюда, заберут ведь, – уговаривали нас из толпы.

– Там нашего товарища судят, – объяснял Лева, – имеем мы право или нет? – и продолжал грохотать в дверь.

– Вон, идут, идут, – загалдела толпа.

Я схватил Леву за рукав и потащил в сторону, но он, как ошалелый, вцепился в ручку двери и орал что-то, что мы друзья и так далее. Лева вообще не терпел над собой какого-либо насилия, никогда ни перед кем не унижался. Нас окружили, заломили руки и потащили по коридорам. Оказались мы в комнате ожидания для свидетелей. Дверь в зал была полуоткрыта, и мы почти рядом увидели Альку Румянцева. Вошел полковник милиции, посмотрел на нас.

– Этих в отделение, – распорядился он.

И нас повели к машине. Толпа расступилась. Все показывали на меня.

– Вон он, вон тот, в шляпе. Тоже бандит.

Будто если в шляпе, то обязательно бандит. Нас привезли на площадь Горького, доставили в отделение милиции. Там потребовали наши студенческие билеты, записали что-то, отдали билеты и... отпустили. Все до банальности просто, если бы было все так же просто потом.

Суд присудил Альке и Юрке по двадцать пять лет лишения свободы плюс пять лет лишения гражданских прав, а Глушкову – десять лет тюрьмы. Только что отменили смертную казнь. Иначе мы бы больше не увидели нашего товарища.

На следующем занятии по военной подготовке капитан Суслов потребовал от нас с Витей объяснений по поводу причин срыва предыдущего занятия. Нас явно выделили в качестве зачинщиков и организаторов побега с занятий. После невразумительных объяснений капитан Суслов указал нам на дверь. Вроде, и все. Но на следующем занятии Суслову не понравился мой ответ по какому-то техническому вопросу, и он меня снова выгнал – готовиться. И так, три пропуска занятий. Инцидент, вроде бы, исчерпан. Тем более, что я в дальнейшем не давал повода капитану Сулову быть мною недовольным. Да и он, как мне показалось, перестал на меня косо смотреть. Забот-то много. Все отрицательные эмоции надолго в памяти не удержатся.

Я занимался спортом, из-за чего часть лекций и лабораторок по различным предметам пропускал, но своевременно выполнял все задания, так что ко мне формально претензий не было. Чего нельзя было сказать о Вите Чиркове. Их с Левой Гостищевым угораздило выпить, как они объясняли, за здоровье Алика и в таком приподнятом состоянии явиться в лабораторию для выполнения очередной лабораторной работы. Когда преподаватель выразил возмущение по поводу специфического амбре, Витя Чирков, как и следовало ожидать, нахамил ему. Реакция последовала молниеносно. Витю вышибли из университета, а Лева, как всегда, отделался по малолетству, несмышленишка простили.

На комсомольском собрании по поводу исключения Виктора из комсомола я выступил в его защиту. Я говорил о том, что Виктор Чирков действительно по природе невыдержанный, но он высоко эрудированный и политически преданный идеям коммунизма человек. Я даже прочитал последнее четверостишие его стихотворения «Мечта», которое, кстати, я читал на одном из факультетских вечеров:

*И, жизнь, под животворными лучами
Отроческой и пламенной мечты
Расти, мужай, красуйся и цвети,
Рожденная на свет большевиками.*

«И то, что Витька сбился с пути, это наша вина. Человек сбивается, когда попадает в чуждую среду. А мы где? Где же наша комсомольская среда?» – говорил я.

Все вроде бы шло хорошо, как вдруг меня перебил из президиума мой еще школьный товарищ, с которым мы вместе поступали в университет. Как-то отчужденно и резко он поправил меня:

– Не Витька, а Виктор. Выбирайте слова.

То, что эта короткая фраза прозвучала так, будто я такой же шалопай, как и Виктор, а также то, что прозвучала она из уст моего товарища, смутила меня, и я, скомкав свою речь, ушел на место.

Витьку оставили в комсомоле и ходатайствовали восстановить в университете. Восстановили, но ненадолго. Витя завалил пару экзаменов и вторично вылетел из ГГУ. По слухам, Витя потом долго бился головой об стены ГГУ. Стены были крепкие. Голова тоже. С нами он больше не учился.

Перед самой сессией в последний день сдачи зачетов я готовился сдавать последние два зачета по лабораторным работам, когда ко мне подошел кто-то из ребят.

– Пашка, загляни-ка на доску приказов.

Я заглянул. На доске висел приказ о моем отчислении из университета за три пропуска по военной подготовке. «Ничего себе. Зачет по военной подготовке сдан, и на вот тебе». Я хотел сразу же начинать беготню по начальствующим кабинетам, как вдруг... меня осенила кристально ясная мысль: «Стоп, Паша. Что-то тут не так. Трапезников Боря говорит, что пропустил восемь занятий по военной подготовке, и ничего. А тут три. Редко кто не пропустил три занятия. И никто из преподавателей о моем отчислении ничего не знает. Возьми себя в руки, Паша. Спокойно сдавай зачеты. Не сдашь зачеты – не допустят до экзаменов. Не сдашь экзамены – вышибут всерьез. Карабкайся после этого, как таракан на Эйфелеву башню». С дрожью в коленках сдаю зачеты и только после этого появляюсь у декана радиофака Бархатова.

– Здравствуйте, я, конечно, виноват, что пропустил три занятия, но я наверстал, зачеты сдал. Почему меня исключили?

– Как исключили?

– Приказ висит.

– Идите, разберемся.

Надо сказать, что я не был среди лучших студентов, но и двоечником тоже не был. Зато, я был уже известен своей общественной работой, читал свои стихи, рассказы на общеуниверситетских вечерах. Как чемпион ГГУ по конькам защищал честь университета на Всесоюзных студенческих соревнованиях. На траурном собрании по поводу смерти Сталина я выскочил на трибуну и прочитал свои, посвященные Сталину, патриотические стихи. Я был спорторгом группы. И так далее и тому подобное. В общем, меня знали, как активного студента, поэтому для декана мое отчисление было непонятно.

Далее я побежал к заведующему военной кафедрой полковнику Чекмасову и задал ему тот же вопрос.

– Что? Отчислили? Не знаю. Будем разбираться.

Полковник Чекмасов тоже хорошо меня помнил по одному эпизоду. Дело в том, что товарищ полковник был чистой воды вояка и в науках, особенно в математике, совершенно не разбирался. Однажды он подменил какого-то преподавателя для проведения занятий по гражданской обороне. Он вызвал к доске одного нашего студента и приказал написать формулу естественного разброса бомб по площади земли. Формула эта у Чекмасова была записана в тетради. Студент потоптался минуту и написал формулу.

– Что забыли?

В принципе, формула с ее исходными данными (высота, скорость самолета), синусы, косинусы и так далее была написана правильно. Не хватало банального коэффициента, обозначенного буквой А. С этого, собственно, коэффициента и начиналась запись формулы в учебнике. Студенту стали подсказывать. До него, наконец, дошло, и он записал этот злополучный коэффициент. Только записал его не вначале формулы, а в конце.

– Неправильно. Кто поправит?

Все молчали.

– Вот вы. Где ошибка?

Поднятый студент встал и дрогнувшим голосом сказал:

– Все правильно написано, товарищ полковник.

Полковник рассвирепел.

– Где ошибка, я вас спрашиваю? – его взгляд остановился на мне.

Я понял, что надо спасать положение.

– Товарищ полковник, коэффициент А надо поставить впереди формулы.

– Вот! Отлично! Как ваша фамилия?

– Шаров, товарищ полковник.

Я слегка вспотел. Дело в том, что я спасал не только нас, но и честь его, полковника, взяв этот пук, как говорят дипломаты, на себя.

Так вот, полковник Чекмасов, как я понял, сразу меня узнал, и я надеялся на положительное развитие событий.

Но события почему-то не развивались. Как не допущенный до экзаменов, я пропустил один экзамен. Пропусти я второй, и возврат в университет будет значительно осложнен.

И тут я рассказал все отцу. Отец, прошедший всю войну с июня 1941 года по июнь 1945 года на фронте, нацепил на грудь награды и пошел в партком ГГУ. Говорят, было заседание парткома. Какими-то окольными путями до меня дошло, что сотворили этот злополучный приказ три человека: зам. ректора по учебной части ГГУ, капитан Суслов, нарушивший в силу каких-то обстоятельств субординацию, скрыв от заведующего кафедрой полковника Чекмасова принятое решение, и незнакомый дядя со стороны. Дяде, по-видимому, очень не понравился этот шумливый парень: спортсмен, видишь ли, спорторг группы, стихоплет..., мать его, организатор срыва занятий ради посещения суда над другом-уголовником и вообще – подозрительная личность.

Меня восстановили. Я сдал оставшиеся экзамены, но стипендии на этот семестр был лишен, так как один экзамен мне перенесли. И неизвестно, что бы произошло после исключения из ГГУ. Впрочем, по-видимому, ничего бы не произошло, так как после смерти Сталина репрессивный аппарат медленно перестраивался. Именно это и позволило моему отцу повлиять на решение руководства ГГУ о моем восстановлении.

На четвертом курсе я был выбран председателем ДОСААФ факультета, в связи с чем мне приходилось часто решать вопросы с товарищем майором, который заменил капитана Сулова, упылившего куда-то из ГГУ. После того, как мы успешно прошли стажировку в одной из военных радиотехнических частей ПВО⁶, подошел срок присвоения нам воинских регалий лейтенантов запаса. И вдруг товарищ майор, озадаченный полученной информацией, сообщил мне:

– Шаров, а ведь тебя надо выпускать рядовым необученным.

– Как это?

– А так. У тебя зафиксировано очень много, а именно, четырнадцать пропусков по теории радиолокационных систем. А это более тридцати процентов курса, и по положению вам этот курс засчитан быть не может.

– Товарищ майор, почему же я был допущен до зачета по данному курсу, сдал его, получил положительную оценку, и почему при моем отчислении из ГГУ указано причиной отчисления пропуск трех занятий по этому предмету? Я этот приказ храню, как отец свои свидетельства о ранениях.

И я рассказал майору все о заварухе, происшедшей после осуждения моего товарища, о парткоме, после которого меня восстановили.

– Вот что. Найди мне этот приказ.

Я нашел, и мне присвоили воинское звание лейтенанта. Я понял, что капитан Суслов, нарушивший субординацию и без ведома своего начальника участвующий в подготовке документов о моем отчислении, попал в переплет. Поэтому он второпях, в порядке подстраховки, накатав мне четырнадцать прогулов. На курсе мы его больше не видели, но говорят, что студенты предыдущего курса на выпускном вечере качали по очереди полюбившихся преподавателей. Качали они и Сулова. Только, когда четверо его качали, двое расстегивали все пуговицы на его амуниции и, когда они его кончили качать и разбежались, капитану Сулову пришлось, схватив штаны руками, спешно покинуть многолюдный зрительный зал. Значит,

⁶ Противовоздушная оборона

этот многонеуважаемый гражданин в капитанских погонах не одному мне пытался испортить автобиографию. Ну, что ж. По делам и уважение.

Прошло время. Розу я увидел через полтора года, когда в составе команды ГГУ приехал в Куйбышев для участия во Всесоюзных студенческих соревнованиях по конькам. Она только что родила младенца и, как молодая мать, была полностью занята этим событием. Я с сожалением узнал, что младенец не узнает папу, поскольку мужа у Розы нет. Прощаясь со мной, она сказала:

– А ведь папой такого младенца мог бы стать ты, если бы был чуть-чуть пошустрее.

Когда я стал инженером, я несколько раз приезжал в Ленинград в командировку. Искал лицу, дом, где проживал Игорь. Чертовщина какая-то – не нашел.

Прошло еще несколько лет. Я стал инженером-радиофизиком. Перестал активно заниматься спортом. Чтобы не забывать любимое занятие, стал тренером на общественных началах конькобежной команды ГНИПИ⁷, где работал по основной профессии. И вот однажды мне выпал случай выехать в командировку в город Муром, на тот самый радиозавод, где Вовка работал токарем. Закончив свои производственные дела, я нашел в механическом цеху моего Вовку. Как и следовало ожидать, он растачивал деталь килограмм в двадцать. Увидев меня, он готов был уронить эту деталь себе на ногу, чтобы поверить своим глазам. Вечером, конечно, мы пошли в ресторан. Вокруг него веселая компания.

– Слушай, – говорю, – ты чего-то похудел. Я так вот растолстел. Скоро сравняемся. Расскажи, как живешь. Девушка та, к которой ты меня посылал танцевать, где?

– Маша-то? Она теперь моя жена.

– А как эта бандитская мразь?

– О! Это особый разговор.

И он рассказал мне длинную историю борьбы рядового гражданского человека с высокоорганизованной бандитской средой. Оказывается, он не пропускал случая, чтобы не вырубить пару-другую за вечер. Однажды его пригласили на свадьбу. Он понял, что эти просто так не пригласят. Пришел. Сначала пили все, в том числе и молодые. Потом остались избранные или, точнее, выбранные. Избранные по очереди подходили к нему, и каждый с ним чокался. Надо было с каждым выпить. Его накачивали, а он ждал, когда же начнется. И вот оно началось. Экспертиза решила – готов к экзекуции. Пора.

В больнице на его теле было обнаружено восемнадцать ножевых ран. Одна – очень опасная, рядом с сонной артерией. Соседняя многоместная палата была полностью занята участниками свадьбы с противной стороны. Он ломал им кости, дробил челюсти и выбрасывал в окно со второго этажа.

– После этого события, – рассказывал он, – я стал понемногу худеть. Но удар у меня пока крепкий.

Мой родственник Владимир Лихонин сообщил мне, что Вовка окончательно спился, что его пытались лечить в спецлечебнице, но ничего не помогает. Я с сожалением уехал, выпив с ним на прощанье.

Оказалось, что это было действительно прощание, так как, несколько лет спустя, он вдруг рассмеялся и смеялся в психбольнице до тех пор, пока могила не заглушила этот сумасшедший смех.

А время шло. Кандидат технических наук Лева Гостищев умер в командировке в молодом еще возрасте. Закупорка кровеносных сосудов мозга. Я говорил прощальную речь на его похоронах. Чувство вины до сих пор не покидает меня за то, что я так и не нашел время откликнуться на его приглашение зайти к нему в гости. Ведь если бы я узнал про его недуг, а я бы

⁷ Горьковский научно-исследовательский приборостроительный институт (бывший ЦНИИ-11)

об этом обязательно узнал из разговоров хотя бы с его женой, я бы затащил его в областную больницу к профессору Густову, с которым сотрудничал через члена-корреспондента наук Всеволода Сергеевича Троицкого. Но, увы, я не знал о болезни Левы, и вот теперь мы его потеряли.

Витя Чирков получил-таки высшее образование и, более того, подготовил без какого-либо руководства кандидатскую диссертацию. Я, уже остепененный главный инженер СКБ, пригласил его на работу. И пожалел об этом. Витя оказался пьяницей. Толку от него не было никакого. Однажды директор СКБ Матвейчев Борис Григорьевич пригласил меня в свой кабинет и сказал:

– Видал, каков твой протеже?

– Каков, Борис Григорьевич?

– Смотри. Два документа. Один – заявление об увольнении по собственному желанию.

Второй – рыба положительного отзыва на его диссертацию. Отзыв предприятия, на котором работает диссертант.

– Ну?

– Что ну? Он что, дурак, что ли? Как я могу подписать ему эти документы? Заявление об уходе подпишу, а отзыв – нет.

– Борис Григорьевич, он совсем не дурак. Это вы... не врубаетесь. Если вы не подпишите отзыв, он заберет заявление об увольнении. Имеет право.

– Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что подписывать надо оба документа.

– Да? Ну и подписывай.

– Хорошо.

И я подписал Вите оба документа. Потом слышал, что он работает где-то на автозаводе, защитил диссертацию, а знакомый ему и мне заслуженный мастер спорта по конькам Кислов рассказал мне, что последний раз его видели валяющимся в каком-то подъезде в обнимку с восьмисотграммовой бутылкой бормотухи. Жаль, когда голова умная, а царя в этой голове нет.

Алька Румянцев после повторного суда усилиями его отца получил, вместо двадцати пяти лет, десять, устроился на зоне гармонистом, потом фотографом, проявил себя дисциплинированным зэком. Как человек с математическими наклонностями, начал переписку с каким-то академиком, высылая ему свои математические изыскания. Просидел пять лет и был досрочно освобожден. Закончил политехнический институт и долгое время работал в различных организациях, поработав, кстати, некоторое время и в том СКБ, где я был сначала главным инженером, а потом директором. Заканчивая писать этот рассказ, я намерен зайти к нему в гости, чтобы он поправил, убавил или добавил что-нибудь в моем повествовании.

Евстифеев тоже просидел пять лет и вышел на свободу.

Единственный из трех серьезно осужденных, Глушков, отсидел свои десять лет от звонка до звонка только за то, что очень уж больно любил железяки. Вспоминаю, как он косил на суде под дурака. А, может быть, ... не косил?

За честь женщины

Отношение мое к женщине всегда было как к божеству. Даже когда божественный образ разрушался отсутствием природной красоты или, мягко говоря, некачественным поведением, все равно я относил их к разряду людей, которых ни в коей мере нельзя обижать или расстраивать. И какое тут может быть равенство между женщиной и мужчиной? Не может быть такого равенства, так же как нет его между трудягой трамваем и замком снежной королевы. Мужчина, какой бы он ни обладал силой и интеллектом, должен быть всемогущим ее рабом, ее всемогущим защитником.

В юности и, как это ни странно, в детстве мне часто приходилось смотреть в глаза опасности вообще и в глаза носителей опасности – крепким мужикам – в частности, но никогда я не мог открыто взглянуть в глаза женщине, особенно зрелой женщине, боясь, что она отгадает бурлящий вулкан желаний, созревающий во мне. Однажды, изображая влюбленного при фотосъемке, я посмотрел в глаза позирующей девушке, которая действительно мне нравилась. Я увидел, как она ступсевалась и, мне даже показалось, испугалась моего взгляда.

Я все время сдерживал себя во взаимоотношениях с девушками, считая, что именно им принадлежит право выбирать, и часто, вовсе не из уважения к противнику, уходил от понравившейся мне девушки, замечая ее интерес к другому. Так, мол, решило это божество и нечего мешаться. Тогда и родились строчки стиха:

*Любовь нельзя отвоевать,
Отнять, присвоить, отобрать.
Она не в том, чтобы забрать,
Она вся в том, чтобы отдать.*

*Да не ему ее отдать,
А ей дать право выбирать.*

*И если выбор тот не твой,
Умри, терзайся, волком вой,
Сквозь слезы радуйся всегда
Тому, что счастлива ОНА.*

Эта позиция в жизни, прописанная мне природой, была причиной многих мучительных переживаний. И даже после, когда я узнал, что женщина любит ушами, что можно управлять эмоциями женщины, мне было неинтересно использовать эту науку, поскольку использовать ее можно, только не любя.

*«Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей», – сказал великий поэт.*

По-настоящему любить можно, ожидая ответной реакции, но ни в коем случае не добиваясь этой реакции хитроумными комбинация-ми, поскольку такое достижение цели почти всегда приводит к разочарованию и для тебя и для нее.

*Любовь, как мечта,
Должна быть чиста.*

При здравом рассуждении я считаю, что природная тенденция самца завоевать во что бы то ни стало самку с появлением человеческого интеллекта уступает место желанию «чистого» слияния двух желаний.

Так вот, когда мы были еще достаточно юными, мой товарищ решил жениться. Я умышленно не называю его другом, так как друзья – это особая категория людей. Их может быть один, два. Им доверяешь, как себе или даже больше. А вот товарищей разной степени доверия может быть много. Друзей у меня всегда было мало. Разве только – Лева Гостищев. А вот товарищей было всегда много. Один из таких довольно близких товарищей и решил жениться. Мы с ним понимали друг друга, но самое сокровенное оставалось все-таки табу. Душу нараспашку мы друг другу не раскрывали, но бывали моменты – и заглядывали.

Поскольку само по себе событие женитьбы товарища я наблюдал впервые, то и интерес к этому событию был особенный.

На свадьбе, глядя на молодых, сидящих рядом, я каким-то шестым чувством ощутил что-то особенное, не вписывающееся в мое понимание взаимоотношений жениха и невесты. Невеста была очень красивой девушкой. Она была привезена издалека, и мне показалось, что она одна среди незнакомых ей гостей. Близких друзей вокруг нее, кроме жениха, не было и, тем не менее, жених, кажется, пытался показаться независимым. Вместо того, чтобы на глазах у всех, если образно выразиться, встать перед ней на колени и положить к ее ногам рыцарское сердце, он пытался показать себя равным ей по значительности, скрывая, по-видимому, свою страсть и обожание за маской этой независимости. Я подумал, что между ними будет еще долгая, продолжительная притирка, прежде чем их сердца и мысли сольются в единый симбиоз. Его звали Георгий, ее – Ника.

Рядом была танцевальная площадка. Пошли танцевать. С танцев один из товарищей жениха, Герман, притащил и усадил за стол незнакомую девчонку. Девчонка была, по-видимому, стреляным воробьем, как, собственно, и сам Герман. Но вот то, что Герман в полупьяном состоянии начал насильно совать в рот девушке пирожное, измазав ее лицо кремом, и вообще, вести себя с ней по-хамски, для меня было неприемлемо. Если бы мы сидели поодаль друг от друга, я бы просто отвернулся и все. Но мы сидели рядом. И я не выдержал.

– Кончай балаган, рыжий, – сказал я.

– А ты не лезь не в свое дело, – ответил он.

И опять ничего бы не произошло, если бы Герман не принялся по-прежнему хамить девчонке. Я положил руку на его плечо и сказал:

– Пойдем, поговорим.

Герман встал и пошел за мной. То ли Герман подумал, что я хочу у него отбить девушку, то ли он хотел перед ней выпендриться, только когда я спускался по лесенке во двор, он сзади сильно треснул мне по шее и я полетел в траву. Разговор не состоялся. Началась потасовка. По роже не били – товарищи, все же. Герман был тяжелей меня, и я поначалу часто отлетал от его ударов. Так мы постепенно вылетели со двора в парк им. Кулибина. Борьба продолжалась у металлической ограды, где был похоронен великий русский механик Кулибин. Я был хорошо тренирован, и происходящее не представляло для меня серьезной нагрузки. Герман постепенно уставал. Кончилось тем, что он обмяк, упал и с трудом пытался встать. Я помогал ему подняться, когда вдруг почувствовал твердую правоохранительную руку на своем плече. Обернулся. Передо мной стоял капитан милиции и с ним человек пять солдат в милицейской форме.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.